

Девушка, которую вернуло море

Автор:

Эдриенн Янг

Девушка, которую вернуло море

Эдриенн Янг

Young Adult. Скандинавское фэнтези Эдриенн Янг

Она изгнанная морем. Она позабыла свое прошлое. А ее тело покрыто татуировками.

Това не помнит своего детства. Ребенком ее нашел жрец на берегу фьорда. Но мистические чернильные символы на руках и груди определили будущее девушки. Това – предсказательница из таинственного клана, затерявшегося среди туманных гор. Она может предвидеть смерть и битвы, а люди ее боятся и ненавидят.

Читая руны, Това узнает, что клану, который стал ее семьей, суждено пасть в сражении. Предсказательница намерена во что бы то ни стало остановить кровопролитие, но злоба ослепила воинов. Девушке предстоит пойти наперекор судьбе, сердцу и собственному племени, чтобы предотвратить грандиозную битву. От храбрости провидицы зависят тысячи жизней.

Эдриенн Янг

Девушка, которую вернуло море

Adrienne Young

The Girl the Sea Gave Back

The Girl the Sea Gave Back © 2019 by Adrienne Young

© Прохорова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

13 лет назад

Мысы, земли племени Кири

– ОТДАЙ МНЕ РЕБЕНКА.

Туронн потянулся к девочке, которую его жена укачивала на руках. Молодая женщина вскинула голову, ее опухшие глаза заблестели.

– Они ждут, Свонхильд.

Она погладила дочь по лицу, проведя кончиком пальца по изгибу ее брови.

– Я сама понесу ее, – хрипло прошептала она.

Черные волосы упали на ее лицо, словно вуаль, и босые ступни коснулись холодного каменного пола. Она выпрямилась, с трудом встав. Туронн шагнул к ней, но женщина отшатнулась. Попытка мужа утешить ее лишь превратила реку боли в ее душе в бушующий океан. И он отпустил ее, глядя, как она медленно ступила в льдисто-голубые отблески рассвета, пробираясь в комнату через распахнутую дверь. Он снял со стены лук и последовал за ней, вперив взгляд в

подол ее белой льняной рубашки.

Внизу, у самой кромки воды, их уже ждали все жители Фджарры, готовые к наблюдению за похоронным обрядом. Бесплодные скалы, служившие домом многим поколениям племени Киrr, промерзли насквозь. Зима была позади, но Свонхильд не могла избавиться от мысли, что ее мертвая дочь замерзнет.

Ветер трепал тонкую рубашку на ее стройном теле, когда она спускалась по извилистой тропинке крутого склона к бушующим внизу волнам. Там ее ждали люди. Женщина шла, смотря прямо перед собой, крепко прижимая к себе тельце девочки. Как вдруг почувствовала, что холодная капля дождя ударила ее по лицу. Небо нахмурилось, и могучий громовой раскат прозвучал в унисон с ее бешено бьющимся сердцем.

Она подняла голову, взглянув на сгущающиеся тучи, среди которых парил козой, и едва слышно произнесла проклятие. Шесть лет назад, еще до рождения дочери, она обратилась к Прядильщикам Судьбы, и они открыли, что ждет ее в будущем. Но она до сих пор не могла им простить этой правды. Трое Прядильщиков, сидевших у подножия дерева Урдра, плели судьбы простых смертных и были безжалостны, как ледяное море, утянувшее дочь Свонхильд в свои волны. Ее отчаянные мольбы о спасении ребенка остались без ответа, их поглотило бушующее море, окружавшее скалистые берега мысов.

Лодка уже ожидала их на мелководье. Ее резной нос был вытянут и по форме напоминал змеиную голову. Гирлянды из ивовых веток, украшенные хитросплетениями рун и изображениями крыльев ворона, выжженными на ее корпусе, закрывали ее борта. Днище лодки устилали охапки гравилата и люпинов, в знак подношения богине Надр.

Соплеменники безмолвно взирали на Свонхильд, которая, стоя на берегу, вглядывалась в лицо дочери. Ее кожа была белой, словно молоко, волосы черны, как смоль. Темные татуировки в виде узоров покрывали ее кожу на руках и ногах. Свонхильд сделала их всего год назад. Это были те же узоры, что и у остальных членов племени Киrr, стоявших сейчас на берегу, – причудливое переплетение древних молитв, передававшихся из поколения в поколение и дающих ей право называться дочерью Надр. Но даже боги не могли уберечь смертных от Прядильщиков Судьбы.

Туронн положил ладонь на плечо Свонхильд, и горячие слезы покатались по ее щекам, капая на льняную ткань. Она медленно вошла в ледяную воду, мокрая ткань рубашки облепила ее бедра и ноги, дождь усилился, когда женщина наклонилась к краю лодки и осторожно опустила девочку на дно, уложив на нежные фиолетовые и красные цветы.

Туронн ухватился за нос лодки, резко оттолкнув ее от берега, и Свонхильд подавила рыдание, тяжелым камнем придавившее ее сердце. В конце концов, какое она имела право сейчас плакать? Прядильщики предупредили, что этот день настанет. Она знала это уже тогда, когда повитуха приложила к ее груди крохотного младенца. И вот теперь она должна отправить свою дочь в загробный мир, сохранив мужество. И когда они снова встретятся в ином мире, дочь будет гордиться своей матерью.

Край лодки выскользнул из ее дрожащих пальцев, когда течение подхватило ее, а Свонхильд застыла на месте, и холод постепенно сковывал ее изнутри. Теперь женщина ощущала лишь хлесткие удары ветра по лицу.

У нее за спиной послышался скрежет огнива, и, бросив взгляд через плечо, она увидела, как Туронн заряжает лук пылающей стрелой, его лицо избороздили глубокие тени, а в потемневших глазах отражалась бушевавшая в небесах буря. Он взглянул на Свонхильд, словно на призрака, стоявшего в серой воде.

Она отрывисто кивнула, и он вскинул лук, стиснув пальцами луку. Набрав полную грудь воздуха, он медленно выдохнул, горло саднило. Затем натянул тетиву так туго, что она заскрипела, и выпустил стрелу. Она взмыла над головой Свонхильд, и все взгляды устремились на пылающий снаряд, в мгновение исчезнувший в облаках, а затем снова низринувшийся с неба, словно падающая звезда.

Стрела с треском ударилась о борт лодки, и Свонхильд обняла себя руками, глядя, как жадное пламя пожирает все на своем пути. Лодка удалялась, постепенно растворяясь в плотном тумане, и легкие струйки дыма донесли до них аромат горячей древесины. Наконец она окончательно скрылась из виду.

Свонхильд лишь на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их, лодка исчезла.

Берега Лиеры, земли племени Свелл

Стояла глухая ночь, когда Джоррунд распахнул дверь своего домика в племени Свелл в Лиере, расположенной далеко от обледеневших скал.

Он различал лишь очертания высоких деревьев, но знал эту тропу как свои пять пальцев и потому мог спокойно передвигаться в темноте. Перекинув через плечо котомку и прихватив вязанку дров, он вышел из дома, петляя по сонной деревне. Потирая замерзшие руки, он прислушивался к тихому хрусту сосновой хвои, устилавшей исхоженную тропинку у него под ногами, и поглядывал на темные ветви деревьев, где даже птиц не было слышно.

Всего через несколько минут солнце поднимется из-за деревьев и встанет над фьордом, разбудив мир вокруг. Но Джоррунд не хотел дожидаться, когда глава племени Свелл постучится в его дверь. Сначала он должен поговорить с Эйдис. И заручиться ее поддержкой.

Прошло всего несколько дней с момента, как весть о резне на востоке достигла Лиеры. Демон Херджа вновь восстал из глубин моря, чтобы пролить кровь кланов Аска и Рики, и впервые за долгое время боги позволили этим племенам забыть о прежней кровной вражде. Но теперь, когда кланы фьорда были ослаблены, воины племени Свелл жаждали войны, на которую никогда бы не отважились в прошлом.

Они смотрели на своего предводителя, ожидая его решения. Но Бекан не сводил глаз с Джоррунда – Талы. Жрец, посредник между богом и людьми, доносил до них волю Эйдис. Но она молчала, не озаряя знамением ни одну из темных троп впереди. Одна из них вела к миру, другая – к войне.

Деревья вдруг поредели, открыв перед ним покрытый росой луг, и Джоррунд положил связку дров на землю. Достав огниво, он вытащил из котомки чашу и ароматные травы.

Однако его внимание привлекло движение среди деревьев, и его рука машинально потянулась к кинжалу, торчавшему за поясом. Пальцы стиснули рукоятку, его уже немолодые глаза пытались сфокусироваться. Меж темных деревьев двигалось нечто белое, похожее на огонек факела.

Но это оказалось не пламя. Это была женщина.

Она стояла между стволами двух деревьев, завернувшись в темную накидку. Белоснежные волосы ослепительной волной ниспадали из-под капюшона, словно река, струясь по ее плечу.

Взгляд ее сверкающих глаз уперся в Джоррунда, стоявшего перед ней, его прерывистое дыхание паром вырывалось в холодный воздух. Когда луна полностью выхватила из мрака ее лицо, у него перехватило дыхание, и чаша упала к его ногам. Ее глаза были слишком необычны, чтобы он мог ошибиться. Словно глаза столетней старухи на лице ребенка.

Это была Прядильщица. Прядильщица Судьбы.

- Эй? - позвал он, осторожно шагнув к ней.

Но она не шелохнулась. И глазом не моргнула. Только ее светлые глаза, казалось, потемнели, и по его спине пробежал холодок, добравшись до кончиков пальцев, все еще крепко сжимавших рукоять кинжала.

Он слышал истории о Прядильщиках. О них говорила ему мать, а потом он сам рассказывал их детям в Лиере. Но сам не видел ни одного из них. И, если Прядильщица появилась в лесу прямо перед ним, это могло означать одно из двух.

Жизнь или смерть.

Женщина подняла руку, поглубже натягивая капюшон, и ступила на тропинку босыми ногами. Джоррунд бросил взгляд через плечо, туда, где тропинка, ведущая в деревню, исчезала в темноте. Возможно, это и есть знак, которого он ждал. Мужчина взывал к Эйдис, но, возможно, ему ответила Прядильщица.

Он осторожно последовал за ней, подол его мантии задевал стебли высокой травы вдоль дороги. Она двигалась между деревьями, словно стелющийся туман, и чем глубже в лес они заходили, тем холоднее становился воздух. Сквозь чащу деревьев пробивался запах моря, напоенный недавним штормом. Вдали забрезжили лучи рассвета, озаряя воды фьорда голубоватым сиянием,

отражавшимся от тонкой корки льда, сковавшей водную гладь у самого берега.

Прядильщица бесшумно ступила на камни, выйдя из-под покрова леса, но Джоррунд замер на краю тропинки. Берег был усеян деревянными обломками и спутанными водорослями, выброшенными на берег во время яростного ночного шторма. Прядильщица шла по берегу, направляясь в густой туман, скрывавший небольшую бухту впереди.

Легкий ветерок донес до него едва слышный звук, и Джоррунд склонил голову набок, прислушиваясь. Этот звук не был похож на тонкий писк птицы, и было в нем нечто печальное и тревожное. Он заглушал негромкий плеск волн, приносимый с моря порывами ветра.

Он тоже шагнул на камни и направился к бухте, сердце билось в такт его шагам. Прядильщица скрылась в тумане, и мужчина последовал за ней, идя на звук, эхом отдававшийся от скал. Туман слегка рассеялся, и успокоившиеся волны лизали камни у него под ногами.

А впереди на берегу показался силуэт лодки.

Он резко обернулся, пытался отыскать Прядильщицу, но вокруг виднелись лишь скалы и деревья. Звук послышался снова, и по его коже вновь пробежал знакомый холодок. Не сводя глаз с лодки, он выхватил кинжал и, выставив перед собой, осторожно двинулся вперед.

Камни тихим хрустом отзывались под его башмаками, а когда неожиданно перед ним возник деревянный нос лодки в форме змеи, он замер. Он не сводил глаз с узкой головы деревянной рептилии, из раскрытой пасти которой торчало заостренное жало.

Надр.

В этом не было сомнений. Нос лодки венчала голова богини племени Кирир, но почему ритуальная лодка оказалась так далеко от мысов?

Священные руны и надписи виднелись на почерневшем корпусе. Он приблизился, коснувшись ладонями силуэта летящего ворона, едва заметного на

обуглившейся поверхности. Судя по всему, пламя, бушевавшее на лодке, погасил морской шторм. Лодки, подобные этой, использовались с одной целью – для похоронных церемоний.

Странный звук снова нарушил тишину, и Джоррунд вздрогнул, вскинув нож, уставившись на противоположный конец лодки. На дне, усыпанном увядшими охапками диких цветов, осталась маленькая девочка. Темные татуировки племени Кирир покрывали ее бледную кожу. Изогнутые, перепутанные символы таинственным узором украшали ее тело, начиная от лодыжек, распространяясь дальше и доходя до шеи.

У него перехватило дыхание, когда он увидел огромные покрасневшие глаза девочки. Ее бледные губы приобрели синеватый оттенок. Она лежала с согнутыми в коленях ногами и прижимала их к груди.

Его взгляд упал на странный символ у нее на груди, видневшийся в вырезе рубашки. Большой, открытый глаз, окруженный ветками дуба. И об этом он тоже когда-то слышал.

Метка Провидицы. Той, что способна разложить руны и увидеть узор судьбы.

Он опустил кинжал и тяжело вздохнул. Это не было простым совпадением. Он долго взывал к своему богу, и вот в лесу ему явилась Прядильщица и отвела на берег. Она доверила ему ребенка. Нет сомнений, что ее послала сама Эйдис.

Мужчина обернулся, оглядывая берег в поисках светловолосой женщины, но она исчезла. Тишину нарушал лишь плеск воды. И завывание ветра.

Он наклонился над лодкой и поднял на руки ослабевшее тельце девочки. Она, дрожа, обхватила его ручонками, крепко прижавшись к его груди. Но он хорошо понимал, что произойдет, если он заберет ее в Лиеру. Обитатели деревни станут бояться ее. А предводитель может даже убить. Но если он хотел дать главе племени необходимый ответ, он должен воспользоваться этим шансом.

Усадив девочку на камень, он собрал в кучу охапки сухих цветов в лодке, а затем тремя четкими ударами высек огонь. Пламя охватило сухие листья и лепестки, и белый дымок закружился у него над головой.

Налетевший порыв ветра раздул пламя, и оно перекинулось на деревянный корпус лодки, пожирая его. Вскоре огонь уже был выше него ростом, разбрасывая снопы искр в серое небо.

Приведя ребенка из племени Киrr в Лиеру, он совершит предательство. Это стало бы плохим предзнаменованием. Но в загробной жизни ему придется держать за это ответ не перед жителями Свелл.

Он ответит за это перед Эйдис.

Джоррунд выпрямился, повернувшись спиной к ветру, а девочка жалась к его ногам.

Вдвоем они смотрели, как догорала лодка.

Глава 1

Това

РУНЫ НЕ ЛГУТ.

Крик козодоя прозвенел в ночной тьме, и, открыв глаза, я отбросила шкуры, села в постели, прислушалась. Остывшие угли едва заметно поблескивали в очаге, но в доме было холодно, и сильный ветер раскачивал деревья, заставляя скрипеть их стволы.

Пронзительная песнь козодоя снова пробилась ко мне сквозь рокот бури, и я опустила босые ступни на каменный пол. Подойдя к окну, я принялась всматриваться в темную тропу, которая вела из леса в Лиеру. В туманной дымке между деревьями мелькал янтарный огонек факела.

Джоррунд.

Я глубоко вздохнула, прижавшись лбом к стене из деревянных перекладин, чувствуя тяжесть каменных рун, висевших на моей шее. Последний раз, когда жрец приходил к моей двери посреди ночи, я имела все шансы лишиться жизни.

Стянув с себя ночную рубашку, я отшвырнула ее на пол, непослушными пальцами заплетая тугие завитки волос в толстую косу. Завязав ее, я уставилась на остроконечные листья и колокольчики белены, изображенные на тыльной стороне одной из моих ладоней. На другой ладони красовался цветок тысячелистника. Я вытянула их перед собой при вспышке молнии, озарившей окно.

На одной ладони – жизнь, на другой – смерть.

В дверь громко постучали, и я проворно натянула чистую рубашку и нацепила потертые кожаные башмаки. Проглотив ком в горле и стараясь успокоиться, я распахнула дверь.

Джоррунд уставился на меня из-под капюшона своей накидки и поднял факел вверх, чтобы я могла увидеть его раскосые серебристые глаза. Это были единственные глаза, цвет которых я знала. Жители деревни Свелл слишком боялись навлечь на себя беду, поэтому старались не встречаться со мной взглядом. И иногда мне казалось, что они правы.

– Ты нужна нам, – глухой голос старика донесся до меня сквозь шум дождя, стучавшего по крыше.

Я не стала спрашивать, зачем понадобилась им. Это и не имело значения. Я была Провидицей, и раз уж в Свелл приютили меня и сохранили жизнь, я выполняла их указания вместе с Прядильщиками.

Я торопливо последовала за ним, и где-то из-за вершин деревьев снова послышался крик козодоя. От этого звука по моей коже побежали мурашки, и я знала, что это плохой знак. Он тоже выполнял их указания. Всевидящий был оком Прядильщиков Судьбы. И предупреждал об опасности.

Что-то произошло.

Дождевая вода ручейками струилась по тропинке, и мои башмаки утопали в грязи, когда мы двинулись вперед сквозь туман, окутавший лес. Из крыши ритуального дома в центре деревни струился белый дымок, тонкой змейкой исчезая в облаках, и я инстинктивно коснулась рун на шее, когда мы прошли через ворота Лиеры.

Первый раз, когда я прошла под этими сводами, мне было всего шесть лет. Дрожащий, до смерти напуганный ребенок, на кожу которого были нанесены священные символы племени Киrr. Ледяные взгляды жителей Свелл пронзали меня и мгновенно опускались в пол. Я быстро поняла, что они боятся меня. Обхватив себя руками, я шла по деревне рядом с Джоррундом, и неожиданно навстречу нам вышла женщина, сжимавшая в ладонях глиняный горшок. Что-то горячее выплеснулось мне в лицо, и, коснувшись лица, я поняла, что это кровь. Так они защищались от зла, которое я могла им причинить, с помощью культа богини Эйдис. Я до сих пор помнила это ощущение, когда по лицу струится кровь и впитывается в ворот моей рубашки.

Джоррунд хромал вперед, и столь быстрые шаги давались непросто его старым костям. Он был жрецом и потому должен был объяснять волю Эйдис, но, позвав меня, тем самым дал понять, что есть вопрос, на который у него нет ответа. Или иногда – что у него был ответ, но он не желал его раскрывать.

Когда мы вступили под своды крыши ритуального дома, двое стражников, стоявших по обе стороны от входа, выпрямились и распахнули двери, борясь с порывами бушующего ветра. Джоррунд не удосужился даже стряхнуть капли дождя с накидки, сунув факел одному из стражников, и двинулся к алтарю, где в отблесках пламени виднелись силуэты людских фигур.

Я замедлила шаг, заметив блеск в глазах, устремленных на меня. Это были знакомые лица, но половина из них была испачкана засохшей кровью, грязь покрывала их доспехи. Предводители нескольких деревень тоже собрались здесь и выглядели так, словно недавно участвовали в сражении.

– Подойди, Това, – медленно произнес Джоррунд.

Я переводила взгляд с него на остальных, инстинктивно потянувшись к кожаному мешочку под рубашкой, у сердца, там я носила руны. Я знала, чего они хотят, но не знала зачем, и мне это совсем не нравилось.

Они отвернулись, когда Джоррунд отвел меня в угол и занял место рядом с Беканом. Глава Свелл словно не замечал моего присутствия. Это продолжалось с тех пор, как однажды меня привели сюда посреди ночи и приказали разложить руны на судьбу его дочери.

Однако не только это стало причиной ярости, искажавшей сейчас лицо Бекана. Его злило поведение его предводителей, и эта злость крепла год от года, с тех пор как другие кланы начали объединяться на востоке. И этот перевес сил сводил шансы жителей Свелл на победу к минимуму, и каждый год, что Бекан откладывал войну, разногласия лишь еще больше обострялись. И раскол в племени день ото дня становился все сильнее.

– Ты не оставил мне выбора. Прошло почти два дня. Новость уже наверняка дошла до них. – Его голос стал резким, и он наклонился, заглядывая в глаза своему брату, Вигдису.

Я много раз видела, как ссорились братья, но это никогда не происходило на глазах других деревенских предводителей. И Джоррунд, казалось, тоже был встревожен.

– Ты всегда был глуп, братец, – прорычал Бекан, – но такое...

– Вигдис действовал, пока ты сидел сложа руки. – Женский голос прозвенел из сумрака за спинами остальных, и внезапно холод бури снова окутал зал, несмотря на ярко пылавший огонь.

Черные глаза Бекана метали молнии.

– Мы действуем вместе. Всегда.

Я взглянула на остальных, заметив, что они положили руки на оружие, их мускулы напряглись. Здесь собрались представители всех двенадцати деревень клана Свелл, и более половины воинов, судя по их виду, приняли участие в

сражении. И что бы они ни натворили, они сделали это без согласия Бекана. И это могло означать лишь одно – кровь на их доспехах принадлежала воинам из клана Надир.

– Расскажите, что произошло.

Бекан потер ладонью лицо, и я подумала, замечают ли остальные, что этот человек едва владеет собой. Прошло всего две луны с тех пор, как его единственная дочь Вера умерла от лихорадки. И казалось, что каждый день с тех пор приносил ему все больше неприятностей.

Вигдис вскинул голову.

– Тридцать воинов, включая меня и Сив. Мы захватили Льюос под покровом ночи.

Предводительница деревни Сторменска встала рядом с ним, засунув большие пальцы за жилет.

– По меньшей мере сорок погибших, и, судя по всему, это воины из клана Надир, – она говорила осторожно, обдумывая каждое слово. Еще пять лет назад эти слова стоили бы ей жизни. Но сейчас предводителей деревень сплотила идея, что необходимо противостоять угрозе с востока, и потому положение главы клана Свелл становилось все более шатким.

– Сейчас они наверняка собирают своих воинов. – Джоррунд приблизился к Бекану, протянув к нему стиснутые ладони.

– Пускай, – Вигдис пожирал брата глазами, – мы сделаем то, что уже давно должны были сделать.

– Ты присягал на верность мне, Вигдис.

– Я присягал на верность клану Свелл, – поправил он его, – прошло больше десяти лет с тех пор, как Аска и Рики прекратили кровную вражду и объединились, став народом Надир. Впервые за долгое время мы превратились в самый могущественный клан на материке. И если мы хотим занять достойное место под солнцем, то должны бороться за это.

Молчание, последовавшее за его словами, стало доказательством, что даже самые преданные воины Бекана согласились с этим, и глава клана, похоже, понял это, медленно оглядывая собравшихся в зале.

– У войны слишком высокая цена, – предупредил он.

– Но, возможно, мы должны ее заплатить. – Джоррунд придвинулся ближе к нему, и я знала, что он думает о том же, о чем и я. Удача оказалась не на стороне Бекана. Или он согласится вторгнуться на территорию Надир, или рискует потерять расположение собственных людей.

Остальные одобрительно заворчали, и глаза Бекана, наконец, отыскали меня в неярком свете комнаты.

– Сейчас мы это и выясним.

Джоррунд сдержанно кивнул мне и, отвернувшись, снял со стены корзину. Я вышла на свет, чувствуя, как глаза предводителей деревень шарят по темным узорам на моей коже. Они отодвигались в стороны, стараясь ненароком не задеть меня, и я достала из корзины шкуру, а Джоррунд принялся едва слышно бормотать раскатистую молитву.

– Ты рискуешь навлечь на нас гнев Эйдис, оставив здесь это существо, – пробормотал Вигдис.

Брат вождя был единственным, кто осмелился произнести то, о чем другие лишь думали. Дочь Бекана, Вера, умерла из-за меня. Когда Джоррунд привел меня в Лиеру, многие говорили, что Бекан дорого заплатит за то, что оставил меня в живых. В то утро, когда у Веры началась лихорадка, люди шептались, что расплата настигла его. Прядильщики вырезали ее судьбу на стволе дерева Урдра, но именно я раскладывала руны.

Джоррунд не обратил внимания на Вигдису, бросив пучок сухой полыни в огонь, и едкий дым заволок комнату, и на мгновение мне показалось, что я могу исчезнуть. Люди из клана Свелл уже не в первый раз отзывались обо мне как о проклятье, и я знала, что не в последний. Ни для кого не было секретом, откуда я появилась и кем на самом деле была.

Вцепившись в кожаный шнурок, висевший у меня на шее, я вытащила мешочек с рунами из-под рубашки. Я не раскладывала руны с той ночи, как умерла Вера, и при воспоминании об этом мои ладони покрылись липким потом и все внутри противно сжалось. Я осторожно раскрыла мешочек, и руны высыпались на мою ладонь. Отблески огня отражались на их гладкой черной поверхности, на которой были вырезаны священные символы. Язык Прядильщиков. Обрывки будущего, ожидавшие своего предсказания.

Джоррунд развернул шкуру, и мои ладони стиснули руны.

- Lag mund, - прошептал Вигдис.

- Lag mund, - повторили остальные.

Рука судьбы.

Но что эти воины знали о судьбе? Она была подобна вьющейся дикой лозе, душившей летние посевы. Подобна ветру, сбивавшему с пути речные потоки и очернявшему невинные души. Они не видели ее движения перед собой или того, как внезапно она могла изменить свое направление, словно стайка испуганных птиц. Они произносили слова «рука судьбы», но не понимали их смысла.

Вот для чего нужна была я.

Закрыв глаза, я внутренне отгородилась от окружавших меня воинов Свелл. Растворилась во тьме, там, где оказалась в полном одиночестве. В том месте, откуда пришла. В тишине вновь прозвенел крик козодоя, и я собралась с мыслями, выстраивая их в одну четкую линию. Мои губы приоткрылись, слова обрели форму, и я выдохнула их.

- Augua or tivar. Lja mir syn.

- Augua or tivar. Lja mir syn.

- Augua or tivar. Lja mir syn.

Око богов. Дай мне узреть.

Я вытянула руки перед собой, разжав пальцы, и руны выскользнули из моих ладоней и рассыпались по всей шкуре, образовав узор, который могла прочесть лишь я одна. В комнате повисла звенящая тишина, которую нарушало лишь потрескивание пламени. Я наклонилась вперед, поднеся пальцы к губам.

Нахмурившись, я переводила взгляд с одной руны на другую. Все камни упали символами вниз, и их тайный смысл оказался скрыт. Кроме одного.

Закусив губу, я подняла голову и увидела, что Джоррунд пристально смотрит на меня.

В самом центре располагался Хагалаз, руна, которую можно было растолковать как «град». Абсолютное разрушение. Буря, которая уничтожит все вокруг.

Более десяти лет я раскладывала руны, чтобы предсказать будущее клана Свелл. И никогда еще не видела ничего подобного.

Но священные камни никогда не лгали. Только не мне.

Я снова окинула их взглядом, мое сердце забилося сильнее.

– Что ты видишь? – голос Джоррунда прозвучал глухо, когда он, наконец, заговорил.

Я уставилась на него, тишина, воцарившаяся вокруг, нещадно давила на меня в жаркой комнате, и мне не хватало воздуха.

– Не бойся, Това, – ласково произнес он, – что ожидает клан Свелл в будущем?

Я быстро взглянула на Бекана, который смотрел на огонь. Его глаза были пусты, как в ту ночь, когда умерла его дочь.

Протянув руку, я коснулась кончиком пальца руны Хагалаз и лишь затем ответила:

– В будущем нет клана Свелл.

Глава 2

Халвард

– СКОЛЬКО? – рявкнул Эспен, громкий стук его башмаков по каменистой тропе далеко впереди меня был подобен стуку сердца.

Аги с трудом поспевал за ним, тяжело опираясь на посох и раскачиваясь из стороны в сторону, когда мы торопливо шли по узкой тропе, уводившей нас все дальше от берега.

– Больше сорока.

Эспен резко остановился и обернулся к нам.

– Уверен?

– Уверен. – Аги встретился со мной взглядом поверх плеча Эспена.

Увидев Аги на причале, я сразу догадался по его лицу, что произошло что-то плохое. Но такое... Деревня Лыйос оказалась буквально стерта с лица земли. Мы с Аги были там всего неделю назад, встречались с деревенским предводителем. А теперь, судя по всему, от нее осталась лишь горстка пепла.

Эспен глубоко вздохнул, задумчиво перебирая бороду.

– Они ждут в ритуальном доме?

– Да, – откликнулся Аги.

Я поднял глаза, чувствуя на себе взгляды остальных. Жители Хайлли занимались привычными утренними обязанностями, но тут же прекращали работу, когда мы проходили мимо. И хотя они не знали, что происходит, чувствовали это.

– Это были воины из клана Свелл? – Я понизил голос, когда мужчина положил нам руки на плечи, закинув связку серебристой рыбы на спину.

Эспен стиснул зубы.

– А кто еще это мог быть?

В его глазах вспыхнул огонь, который я не видел с того дня, как познакомился с ним после первого сражения с воинами Херджа, которое едва не уничтожило оба наших клана. Этот взгляд был мне хорошо знаком, тот же огонь сверкал в глазах воинов, которых я знал еще мальчишкой, живя на горе. Жажда кровопролития всегда наполняла души воинов кланов Аска и Рики, но теперь мы стали Надир – единым народом. С тех пор минуло десять лет, и теперь эта жажда вновь пробудилась в нас.

– Что станем делать?

Он промолчал, и ответом мне был усталый взгляд мужчины, повидавшего на своем веку гораздо больше смертей, чем я.

Мы много раз говорили о напряжении, нарастающем на границе наших земель с племенем Свелл. Последние несколько месяцев призыв к активным действиям звучал все настойчивее, но нам понадобилось бы еще десять лет, чтобы создать сильную армию, чтобы защитить свои земли и народ. Во время нашествия Херджа мы понесли огромные потери, а теперь те воины, что выжили в той схватке, состарились и не могли достойно сражаться.

Словно угадав мои мысли, Аги вновь посмотрел мне в глаза. Его нога так окончательно и не зажила после тяжелого ранения в последнем сокрушительном сражении с Херджа.

Эспен повел нас дальше по тропинке, зловещая тишина окутала все вокруг, наполняя деревню. Весна растопила почти весь лед, сковавший воды фьорда, но его холодная свежесть до сих пор чувствовалась в порывах ветра, дувшего с моря. Над верхушками крыш вздымалась гора на фоне серого неба. Моя семья проводила зиму в засыпанной снегом деревне, где я родился, и не появлялась здесь несколько недель. Но если назреет война, все воины Надир непременно соберутся у фьорда через несколько дней.

Фрейдис, Лэтам и Майра уже ждали нас, когда мы вошли в ритуальный дом, их кожаные доспехи блестели от масла, а оружие было начищено до блеска. Рыжие волосы Майры, обрамлявшие ее белокожее лицо, сверкали подобно пламени, собранные в тугую косу, змеившуюся по ее плечу. Она была напряжена, словно тетива, готовая выпустить стрелу, стоя за спиной у жены Эспена. Та застыла перед алтарем, сжимая в руках кожух от его топора.

Он развернулся, закинув его за спину, и она затянула ремни и произнесла:

– Расскажите, как все было.

– Мы потеряли больше сорока человек, – Фрейдис заговорила первой, – они напали на Льюос под покровом ночи, примерно двадцать-тридцать воинов. К утру несколько выживших добрались до Ютана, и мы выслали на подмогу всадников, но воины Свелл уже скрылись.

– Как мы узнаем, что это не мародеры?

– Все мертвы, Эспен, – Фрейдис запнулась, – все погибли.

Я смотрел на них, мертвая тишина повисла вокруг. Если бы это был отряд мародеров, потери оказались бы незначительными. Кто бы ни ворвался в Льюос ночью, он пришел, движимый жаждой крови, а не ради шерсти, зерна или пеннингровКирр[1 - Пеннингры – денежная единица.].

Эспен задумчиво двигал челюстями. Когда-то народ Надир состоял из двух кланов, и оба эти клана были гораздо больше и сильнее племени Свелл, горстки людей, скрывавшихся в отдаленных восточных лесах. Им удалось выжить лишь потому, что их попросту не заметили. Но после нашествия Херджа и объединения наших кланов племя Свелл обрело силу и превосходство. И теперь,

наконец, они могли этим воспользоваться.

- Они прислали гонца, - произнесла Фрейдис, - воины Свелл.

- Гонца?

- Их верховный предводитель, Бекан, желает встретиться. В Льюсе. И хочет предложить примирение.

Эспен и Аги молча уставились друг на друга. Слухи о войне долгие годы бродили по долине. И потому предложение их предводителя о примирении не имело никакого смысла после первого нападения на деревню. Если только налет на Льюс не был делом рук самого Бекана.

- Это сделал не Бекан, - пробормотал я, размышляя вслух.

- Что? - Фрейдис вскинула бровь.

Я обернулся к Эспену.

- Люди Бекана действовали без его ведома.

Майра склонила голову набок.

- Откуда ты знаешь?

- Я не знаю. Но нам уже давно известно, что между их деревенскими предводителями нет согласия. Именно поэтому они до сих пор не выступили против нас. Думаю, люди Бекана действовали без его согласия и он хочет исправить ситуацию до того, как их клану придется вступить в войну.

- Это уже неважно. Слишком поздно, - процедил Лэтам сквозь зубы.

Самый старший деревенский предводитель среди нас, Лэтам никогда не скрывал своей любви к сражениям. Но никогда не забывал, как в один момент можно все потерять. И он был первым, кто настаивал на войне с кланом Свелл,

когда слухи добрались до берегов фьорда.

Фрейдис стиснула рукоятку меча.

– Я могу подготовить воинов Надир и выступить в поход через три дня. Мы захватим их деревни одну за другой. Потери будут...

– Слишком велики, – закончил я.

Майра быстро взглянула на меня, поджав губы. Теперь я был на целую голову выше нее, но она по-прежнему выглядела столь же суровой и бесстрашной, как в тот день, когда я впервые увидел ее в нашей деревне с мечом в одной руке и щитом в другой.

– Это ловушка. Они рассчитывают на то, что мы не хотим войны. Они пытаются заманить нас в западню, а затем прорваться к фьорду.

– Я пойду, – отведя взгляд, сказал я.

Она замерла, ее рука машинально метнулась к топору за спиной, а голос стал громче.

– Что?

– Я встречу с Беканом. Они наверняка бы уже захватили еще пару деревень, если бы он шел по долине со своими воинами. Он так же, как и мы, не желает войны. Думаю, Бекан хочет примирения.

– Не ты здесь пока еще отдаешь приказы, Халвард, – донесся до меня голос Лэтама. На его лице виднелся зубчатый шрам, навсегда оставшийся после сражения, в котором погибла вся его деревня. Последние десять лет он провел, возрождая ее. – Сорок наших воинов мертвы. Кровь за кровь.

По предварительному сговору предводители деревень пригласили меня в ритуальный дом два года назад и сообщили, что я должен буду занять место Эспена, как верховного предводителя Надир, народа, когда-то объединившего два враждовавших племени горы и фьорда. И с тех пор я готовился к своей

важной миссии. Но я никогда не видел такой настоящей войны, какую видели те, кто был старше меня. Я стал первым представителем поколения молодых людей, которые жили не ради сражений на почве кровной вражды. И теперь рана, которая так до конца и не зажила, открылась вновь. Моя мать была знахаркой, но я знал, что невозможно вылечить такую рану. И больше всех во мне сомневался Лэтам.

– Он здесь, чтобы выразить свое мнение наравне со всеми, – укорил Эспен Лэтама, поставив мужчину на место. Он, не думая, готов был обнажить свой меч, но понимал, что я прав. Война с кланом Свелл принесла бы нам такие же огромные потери, как и десять лет назад. Возможно, даже больше.

– Позвольте мне пойти, – снова воскликнул я. – Потребуется по меньшей мере три дня, чтобы собрать и подготовить наших воинов. Этого времени мне хватит, чтобы добраться до Льюоса и вернуться обратно.

Майра гневно уставилась на меня поверх языков пламени, ее зеленые глаза помрачнели.

– Если он пойдет, я тоже пойду.

– Ты остаешься здесь, – прорычал Аги. Он заменил отца нам обоим, но Майра была не из тех, кто привык подчиняться. – С Халвардом пойду я.

Она открыла рот, чтобы возразить, но Эспен не дал ей вымолвить ни слова.

– И я тоже.

Фрейдис взглянула на Лэтама, напрягаясь.

– Не думаю, что это хорошая идея, – ее голос звучал настороженно.

– Мы возьмем с собой двадцать воинов. Лэтам и Фрейдис, вы разошлете гонцов по деревням. Подготовьте наших людей к войне. А Майра займется тем же самым здесь, в Хайлли.

Однако Фрейдис по-прежнему выглядела неуверенно, как и Лэтам.

– Уходим на закате, – стиснул Эспен мое плечо.

Я кивнул, отступив назад, когда он направился к выходу. Жена последовала за ним, и, когда они скрылись из виду, Лэтам обернулся ко мне. Он никогда не скрывал сомнений по поводу того, что я способен заменить Эспена, но все равно согласился. Он смотрел на меня, как недовольный дядя мог смотреть на упрямого племянника, и я знал, что он не верил, что у меня все получится. И, если честно, я тоже не совсем в это верил.

Наши взгляды встретились лишь на один краткий миг, а затем я вышел следом за Аги. И не успели двери захлопнуться за нами, как Майра набросилась на меня.

– Ты соображаешь, что творишь? – распрямив плечи, она уставилась на меня. – Я иду с тобой.

– Ты остаешься, – снова воскликнул Аги, и на этот раз в его голосе прозвучали металлические нотки.

– Когда они узнают... – девушка взглянула на гору у меня за спиной, и я понял, что она думает о моей семье. Они стали и ее семьей тоже. – Подожди два дня. Я отправлюсь в Фелу. Мы будем ехать всю ночь и...

– Мы вернемся еще до того, как они узнают, что мы уезжали, – сказал я, но понимал, что она права. Элин и братья придут в ярость, узнав, что я отправился на встречу с Беканом.

– Мне это не нравится, – ее голос смягчился, она заглянула мне в глаза, – тебе не стоит ехать, Халвард.

– Мы вернемся через три дня. Самое большее, через четыре.

Она неохотно кивнула, и я узнал этот взгляд. Она была обеспокоена. Напугана. Я прижал ее к себе, обхватив ее маленькую фигурку, и прижался подбородком к ее макушке.

– Я больше не потеряю своих близких, – сказала она, – ты меня слышишь?

– Если мы начнем войну с кланом Свелл, то потеряешь. – Девушка отстранилась от меня, ее голос стал резким.

– Не вернешься через четыре дня, мы начинаем действовать.

– Хорошо.

– Если я не увижу тебя на горизонте до захода солнца...

– Хорошо, – снова повторил я.

– Да защитит тебя Сигр. – Она глубоко вздохнула, переведя взгляд с меня на Аги, а затем покачала головой, беззвучно выругавшись, и, обойдя нас, вернулась обратно.

Аги дождался, пока двери закроются за ней, а затем обернулся ко мне. Я знал, о чем он думает, прежде чем он заговорил.

– Ты уверен, сынок? – ветер, дувший с моря, подхватил его глубокий голос.

Я посмотрел в его глаза, под которыми теперь залегли глубокие морщины. Теперь они стали для меня родными. Он приютил нас в своем доме, когда мы пришли жить на берег фьорда, а когда мой брат женился на его дочери, мы стали его семьей. Его дом стал нашим, когда кровная вражда между нашими народами еще тлела, словно горячие угли в костре, в любой момент грозя разгореться с новой силой. Я не мог солгать ему. А даже если бы и захотел, он бы это понял.

И потому я сказал ему правду, которую мы уже оба знали.

– Нет.

Това

ВСЕВИДЯЩИЙ ИСЧЕЗ.

Я шла по лесной тропинке, прижимая к себе еще теплые тельца двух выпотрошенных кроликов, а за спиной у меня болтался лук. Пристально разглядывая верхушки деревьев, я прислушивалась, пытаюсь различить крик козодоя. Но он молчал, и единственными звуками, нарушавшими тишину, было пение птиц в гнездах и шорох моих башмаков по опавшим сосновым иглам, устилавшим землю. Последний расклад рун все еще не выходил у меня из головы, и я медленно перевела взгляд на цветок белены, изображенный на тыльной стороне левой ладони. Но если Всевидящий исчез, то, возможно, забрал с собой и беду.

– Я не мог найти тебя.

Я замерла, стиснув пальцами тетиву, а из-под переплетенных ветвей цветущего клена, чуть дальше на тропе, показался Джоррунд.

Бутоны цветов раскрылись раньше срока, и я пыталась понять, плохой это знак или, наоборот, он сулит удачу. Они были прекрасны, эти бледно-зеленые цветы, покачивающиеся на ветру, но поздние заморозки в одно мгновение погубили бы их.

– Я беспокоился.

Я видела, что он говорит правду. Потирая ладони за спиной, он криво ухмыльнулся.

– Прости, – ответила я, остановившись перед ним. Джоррунд не любил, когда я уходила куда-нибудь без его ведома. Ему не нравилось напоминание о том, что он мог меня потерять.

Мужчина взял кроликов, и я молча последовала за ним. Медленно возвращавшееся с весной тепло земли сулило свежее мясо и сочные съедобные травы и коренья. И это давало мне поводы для отлучек из крошечной лачуги на окраине Лиеры, которая порой все больше напоминала мне клетку, а не дом.

Мы вошли внутрь, и я повесила на стену лук и колчан со стрелами с черно-белым оперением. Я зажгла свечу, хотя солнце уже поднималось над деревьями, и поднесла холодные ладони к мерцающему пламени, которое обожгло кожу.

Положив кроликов на стол, Джоррунд наблюдал за мной. Серые кудри обрамляли его лицо, густая борода ниспадала на грудь. Он не ложился спать, и от усталости его глаза казались еще более раскосыми, чем обычно. После того как я разложила руны, он провел остаток ночи за закрытыми дверями ритуального дома вместе с предводителями деревень клана Свелл. Их громкие голоса были слышны даже у ворот, когда я медленно брела прочь обратно в лес.

– И что они собираются делать? – Я смотрела, как воск тает, образуя лужицу на деревянной поверхности стола, а затем, застывая, приобретает золотисто-молочный оттенок.

– Бекан встретится с предводителями Надир и предложит перемирие.

Я всинула бровь.

– Перемирие?

Он кивнул, отводя взгляд, и я поняла, что он не хочет, чтобы я догадалась, о чем он думает. Но мне и так все было понятно. Джоррунд не желал войны, но руны убедили его, что время пришло. Он не произносил этого вслух, но считал, что Бекан совершает ошибку.

Мне доводилось слышать о предложениях перемирия и дарах, которые обидчик подносил пострадавшей стороне, но между кланами такого никогда еще не случалось. Обычно так поступали враги, чтобы избежать кровной вражды между своими семьями и не сделать ее наследственной. Это было предложение мира в обмен на подношение.

- Когда? - я опустилась на табуретку, не сводя с него глаз.

- Мы уходим завтра.

- Ты пойдешь с ними?

- Да, - он помолчал, глядя в пол, - и хотел бы, чтобы ты тоже пошла с нами.

Я отдернула руки от огня.

- Я?

Он попытался улыбнуться, но уголки его губ предательски поползли вниз.

- Да, ты.

- Но зачем?

- Ты понадобишься, если мне придется вмешаться, чтобы все уладить. Ты всем нам понадобишься.

Я стиснула ладони на коленях под столом.

- А что говорит Бекан?

Глаза Джоррунда метались по моему лицу, но он не говорил ни слова. Бекан едва замечал меня с тех пор, как умерла его дочь. Джоррунд попросил меня разложить руны на судьбу девочки, но Прядильщики дали не тот ответ, который все ожидали услышать. Единственная дочь Бекана ушла в загробный мир, где станет ждать отца, который присоединится к ней, когда испустит свой последний вздох.

Произнеся эти слова, я тут же ощутила это. Как разверзлась земля у меня под ногами. В глазах Бекана я стала не просто Провидицей. Я превратилась в вестника смерти. И союзник, которого я когда-то обрела в верховном предводителе клана Свелл, похоже, навсегда отвернулся от меня.

– А что, если уже ничего нельзя исправить? – осторожно спросила я. Джоррунд пользовался рунами, словно лекарь – лекарствами, пробуя одно средство за другим, пока не добивался желаемого результата. Но у Прядильщиков все было гораздо сложнее. Они были проникательны, умны и искусны в своем ремесле.

Он встал и подошел к связке свисавших со стропил сушившихся стеблей вереска и осмотрел крошечные лиловые цветки, скрытые среди темно-зеленой листвы. Подняв руку, он отщипнул цветок от стебля. Я смотрела, как он повертел его в пальцах, а затем протянул мне.

Я взяла бутон, рассматривая его в блеклом утреннем свете, пробивавшемся сквозь окно.

– Возможно, именно по этой причине Эйдис привела тебя сюда, Това.

Я воткнула цветок в кончик своей темной косы.

– Откуда ты знаешь, что именно твоя богиня привела меня сюда?

Мои слова, казалось, удивили его. Я никогда не спрашивала Джоррунда об этом, потому что не хотела давать ему повод задавать мне лишние вопросы. Но мир, который он так долго создавал, разваливался на части. Я видела это и знала, что он тоже все понимает.

– Какой-то бог сохранил тебе жизнь, но это точно не Надр. Если бы богиня клана Кирр благоволила тебе, ты никогда бы не оказалась в той лодке.

Я почти не помнила, что тогда произошло, но Джоррунд много раз рассказывал мне эту историю. Мое племя пыталось принести меня в жертву своему богу, когда мне было не больше шести лет. Он нашел меня в выброшенной на берег ритуальной лодке для жертвоприношений, но единственное, что я запомнила о том дне, был белоснежный туман. Завывание ветра и прикосновение длинных пальцев Джоррунда к моей руке, когда он тащил меня подальше от лодки.

– Возможно, это вовсе не боги. Возможно, это Прядильщики.

Мои слова, казалось, развеселили его, словно я пошутила. Но Джоррунд редко отвечал на мои вопросы о том дне, когда он нашел меня на берегу, постоянно уводя разговор в сторону и избегая объяснений.

– Ты сжалась в комочек на куче засохших гравилатов и люпинов, твои губы посинели от холода, – ласково произнес он, его глаза затуманились от воспоминаний.

Я тоже помнила это. Плеск воды о борт лодки. Резкий запах увядающих бутонов и деревянная голова змеи на носу лодки. И пронизывающий холод. Этот холод я помнила особенно отчетливо.

– Увидев символы, вырезанные на деревянных бортах, я понял, что это за лодка. А когда увидел это, – он указал на руны, висевшие у меня на шее, – я понял, что море не случайно принесло тебя к нам.

Я снова протянула ладонь к огню, сжав пальцы над его жарким пламенем. Я почти ничего не помнила о своей жизни на мысах. И лишь странный свет, отражавшийся от морской глади, четко запечатлелся в моей памяти. Нежное, беловатое сияние, которое казалось слишком ярким, чтобы быть реальным. И женский голос, что-то напевающий без слов, эхом отдававшийся в моем сердце. Глубокий и тихий.

– Твои соплеменники собирались принести твою жизнь в жертву Надр, но Эйдис милосердна. Когда люди из клана Кирр отправили тебя в море, она привела тебя сюда. Она предвидела этот день.

Я с трудом проглотила ком в горле, отгоняя от себя воспоминания о белом сиянии. Иногда мне казалось, что я все еще ощущаю его обжигающее прикосновение к своей коже. Громкий бой барабанов врывается в мои сны. Я давно покинула мысы, но они не покинули меня. То, кем я была, было начертано на моей коже священными символами и переплетениями узоров, значения которых не понимала даже я сама. И эта таинственная суть навсегда останется со мной. И именно поэтому мне никогда не будет места в Лиере, и терпели меня здесь лишь из-за Джоррунда.

Я коснулась браслета, обхватившего мое запястье, сжимая между пальцами медный обруч и пытаюсь обрести защиту талисмана.

– Выпал Хагалаз, Джоррунд, – сказала я, – будущее предопределено.

– У этой руны много других значений, – откликнулся он, но мы оба понимали, что я права.

– Только когда есть и другие руны. А Хагалаз оказался в самом центре. Совершенно один.

Он нервно потер ладони.

– Я уверен, что настало время, когда Эйдис решит воспользоваться тобой. Иногда самый разрушительный шторм несет с собой жизнь, Това. Грядет Хагалаз, несущий град. Но я уверен, что мы выстоим. И станем лишь сильнее.

В этом и был весь Джоррунд, который считал, что он гораздо мудрее всех богов и Прядильщиков, вместе взятых. Он считал, что может перехитрить судьбу. Но на лбу у него залегла глубокая складка, которой там прежде не было, и я засомневалась, что он действительно верил в то, что говорил.

– Паук. Тот, что плетет паутину судьбы, – его голос смягчился, – именно этот узор Прядильщики вырезали на стволе дерева Урдра в момент твоего рождения.

Я знала, что это правда, потому что это подтверждал один из узоров на моем теле. На левом боку у меня растянулся паук. Но мы оба знали, что то, что вырезано на стволе дерева Урдра, можно изменить. Можно переписать. Люди из клана Кирир выбрали меня в жертву своему богу, и теперь стало совсем неважно, кто спас мне жизнь, боги или Прядильщики. Я оказалась здесь. Для этого, несомненно, существовала причина, и эта мысль не давала мне покоя.

– Вигдис предаст брата? – я задала вопрос, над которым мы оба размышляли, покинув ритуальный дом.

– Он уже предал его.

– Ты понимаешь, о чем я. Попытается ли он занять место верховного предводителя?

– Нет. – Однако ответ Джоррунда прозвучал чересчур поспешно. Он сомневался. Джоррунд посвятил свою жизнь тому, чтобы сделать Бекана величайшим предводителем в истории клана Свелл, и использовал для этого и мои способности. Но один завистливый взгляд Вигдиса мог все уничтожить. И на кону оказалась не только жизнь Бекана, но и моя тоже. И жизнь Джоррунда. Если Вигдис станет верховным предводителем клана Свелл, земля под моими ногами окончательно обрушится, и ее ледяные глубины поглотят меня. И я в точности знала, что тогда можно будет прочесть о моей судьбе на стволе дерева Урдра.

– Когда мы уходим? – спросила я, понимая, что у меня не осталось другого выбора.

Он широко улыбнулся, его глаза засияли от гордости.

– Завтра. На закате.

Его мантия коснулась земли, когда он распахнул дверь, и, когда та захлопнулась за ним, я подошла к окну, глядя, как он удаляется по тропе. Воины из клана Свелл хотели перерезать мне горло, когда их жрец привел меня в деревню. Долгие годы вход в мою лачугу охранял стражник, чтобы никто из племени не попытался обрушить на меня ярость их бога. Но Джоррунд сумел убедить Бекана, что мое присутствие необходимо, ведь такова воля Эйдис.

Он скрылся за деревьями, оставив меня одну в лесу. Крохотная лачуга, в которую он привел меня, стала моим единственным домом. Как бы я ни старалась, но не могла вспомнить лица своей семьи из клана Кирир или свой отчий дом. Они были подобны снежинкам, которые таяли, едва коснувшись земли.

Развязав мешочек, я рассыпала руны по столу, нашла Хагалаз и поднесла руну к лицу. Это была темная руна, олицетворявшая ярость природы и необузданные силы стихии. Гроза с градом всегда наносила раны земле, хотя и дарила ей живительную влагу.

Я вертела руну в пальцах, глядя, как солнечный свет скользит по гладкой черной поверхности. Существовал лишь один способ узнать, какая судьба нам предначертана, а именно – ждать. Что бы там ни придумал Джоррунд,

Прядильщики уже ткали узор судьбы. Они растягивали время и вплетали жизнь каждого из нас в этот рисунок.

Я закатала рукав своей рубашки и провела кончиком пальца по узорам на руке. Они усеивали мое тело от лодыжек до самой шеи. Я не помню, откуда взялись эти рисунки, но кто бы ни сделал эти татуировки, он постарался на славу. Извивающееся тело морской змеи с острыми плавниками, распростертые крылья ворона. Волк с обнаженными клыками. Темные пятна, видневшиеся на моих плечах и спускающиеся вниз по спине и на грудь в форме замысловатых спиралевидных узоров, славящих Надр, богиню, когда-то отвернувшуюся от меня. Эти узоры были полны тайн. Лишь человек из клана Кирир мог бы объяснить мне их значение, но мой народ никогда не покидал мысы. Они рождались и умирали на этой промерзшей северной земле. Но если я не сумею разгадать смысл этих символов, то никогда не смогу узнать свою историю. Не смогу познать себя. И я подумала, что, возможно, это наказание, которое обрушили на меня Прядильщики или боги за грехи, совершенные когда-то мной на мысах.

Приоткрыв вырез своей рубашки, я взглянула на широко раскрытый глаз, окруженный венком из дубовых листьев. Это был единственный символ, который я знала, и в тот день, когда он нашел меня, Джоррунд сразу понял, кто я, лишь взглянув на него.

Символ Провидицы.

Я задумалась, что бы он сделал, если бы не увидел этот рисунок. Утопил бы в ледяных водах фьорда? Возможно, именно этот символ стал причиной, по которой мои соплеменники отдали меня в дар морю? Возможно, они наказали меня за то, что я навлекла на них невыносимо мрачную, злую судьбу. Как на Веру.

Я задула свечу, достав из-под стола свою котомку. Я никогда не стала бы своей для клана Свелл. Я уже давно это поняла. Даже спустя столько лет я все еще ощущала привкус смерти. Слышала ее тихий шепот и замечала ее тень у себя за спиной.

Буря Хагалаз приближалась. И если клан Свелл погибнет, я погибну вместе с ним.

Глава 4

Халвард

ТРОПА, ВЕДУЩАЯ В ЛЬЙОС, была исхоженной, но мы не встретили на ней ни души. Стволы высоких и тонких деревьев стали плотнее и толще, стоило нам отойти от фьорда в сторону границы, разделявшей земли кланов Надир и Свелл. Десять лет назад Льюос стала одной из двух деревень, которую не тронули Херджа. Возможно, потому, что она была слишком мала. А возможно, потому, что она располагалась в самом дальнем уголке наших земель. Отсюда уже не чувствовался запах моря, и все же было в этих лесах нечто, напоминавшее о доме.

Аги ехал впереди, внимательно разглядывая склон, поднимающийся к горной гряде. Воины следовали за ним, разделившись на две шеренги, по десять человек в каждой, облаченные в старые доспехи Аска и Рики. Долгие годы уже после того, как мы объединились и стали Надир, вид этих доспехов казался мне странным. Но теперь странной мне казалась лишь темная кожа, которую воины Рики использовали для своих жилетов.

Лучи солнца пробивались сквозь листву деревьев, заливая их светом, и воины осторожно двигались вперед, внимательно оглядывая лес. Если Бекан собирался пробраться через долину и захватить Хайлли, то мы бы уже заметили следы неприятеля. Но в лесу царила тишина, и нигде не было видно и намека на вражескую армию. Мы предположили, что клан Свелл мог собрать не менее тысячи воинов, если все их двенадцать деревень согласились участвовать в сражении. Это превышало численность армии Надир, даже если бы мы позвали на поле боя самых юных и самых старых наших воинов.

– Это Вирки. Помнишь? – Эспен ехал рядом со мной, вглядываясь в тени и отдавая приказания.

- Да, - ответил я. Мне довелось побывать там лишь однажды, но я навсегда запомнил это место. Когда мои братья отправились сражаться с Херджа, меня забрали в старую цитадель, пустотелую скалу, возвышавшуюся посреди широкой реки. Мы с матерью стояли по пояс в воде, вглядываясь в даль сквозь яркие лучи солнца, как вдруг появился воин с известием о нашей победе при Хайлли. Я до сих пор помню, как вскрикнула мама, прижав ладонь ко рту, и горячие слезы заструились по ее щекам. Прошло еще три дня, прежде чем мы узнали, что оба моих брата живы.

- Стариков и детей отправим в Вирки. Аги поведет их, - распорядился Эспен.

Я кивнул, взглянув на Аги, который по-прежнему ехал впереди. Ему не понравится, что его отсылают с теми, кто не в состоянии сражаться. Он может даже отказаться.

- Если поражение неминуемо и Хайлли будет грозить опасность...

- Отправим гонца.

- Трех гонцов, - поправил он.

- Трех гонцов, - повторил я, вспоминая главное правило - столько отправляют на случай, если один не сумеет выполнить задание. На случай, если и двое не справятся.

- Аги станет предводителем выживших в Вирки.

- И куда они отправятся?

- Подальше от фьорда.

Я натянул вожжи, притормаживая, и Эспен развернул своего коня, глядя на меня.

- Подальше от фьорда?

- Именно. И от горы.

– Бросят наши земли? – мой голос прозвучал резко.

– Если Хайлли падет, это будет означать гибель большей части наших воинов. Мы больше не сможем защищать свои земли. Те, кто выживет, должны будут устраиваться где-нибудь еще. – Его голос звучал абсолютно спокойно, ничто не выдавало его волнения.

Но мысль о том, что народ Надир покидает свои земли, была подобна мысли о разбушевавшемся море, затопившем долину и уничтожившем все вокруг. Это казалось просто невозможным.

– Мы должны быть готовы. Ты должен быть готов, – произнес Эспен, его лицо стало суровым. В его голосе прозвучал укор, он словно хотел напомнить мне, кем я должен был стать. Мужчина рассчитывал, что я стану верховным предводителем, когда он отправится в загробный мир, чтобы присоединиться к тем, кто ушел туда раньше. Он видел, как его соплеменники погибали во время сезонов сражений, а затем в битве с Херджа. Он уже давно ждал прихода смерти. Как и Аги. И я должен был успокоить его душу, убедив в том, что я сделаю то, что обещал.

Он снова развернул коня, но я не двинулся с места, не сводя глаз с вожжей, туго натянутых на кулак.

– Почему ты выбрал именно меня?

– Тебя выбрали все предводители Надир. Не только я.

– Но почему?

Он бросил взгляд через плечо, туда, где Аги и остальные исчезали за поворотом тропы.

– Ты – олицетворение всех воинов Надир, появившихся на свет следом за тобой. Ты был рожден на горе, вырос у фьорда. Дитя Торы и Сигра. Люди пойдут за тобой, Халвард. Они уже доверяют тебе.

– А Лэтам? Он последует за мной? – спросил я.

- Да, - без колебаний ответил он, - Лэтам выбрал тебя, как и все мы.

- Но он не верит, что я справлюсь. И я не знаю, верю ли я сам в это.

- Ты сделаешь то, что должен, - просто ответил он.

Проглотив ком в горле, я заставил себя посмотреть ему в глаза. Мне не хотелось в этом признаваться, но я был обязан сказать ему правду.

- Я не готов, Эспен.

На его губах промелькнула терпеливая улыбка.

- Но тебе придется, если мы не сумеем договориться о мире с кланом Свелл.

- Ты ведь уверен, что у нас ничего не получится?

Он задумался, прежде чем ответить.

- Думаю, наш мир меняется. Но не настолько быстро, чтобы помочь нам избежать войны с кланом Свелл. Наши люди повидали слишком много сражений до того, как мы прекратили враждовать.

Со склона горы до нас донесся свист, и я замер, резко выхватив топор и оглядывая лес. Эспен сделал то же самое, его оружие застучало по его ногам, когда его лошадь начала нервно топтаться на сырой земле. Свист повторился, и я вглядывался в сумрак до тех пор, пока не увидел фигуру человека, на его протянутую руку упал луч солнца.

- Халвард! - до меня донесся знакомый голос.

Я опустил топор, с облегчением выдохнув, когда Асмунд заскользил вниз по склону, поднимая за собой каскад опавших листьев.

- А я все гадал, когда же мы снова встретимся. - Его поношенная, покрытая пятнами рубашка приобрела оттенок земли под меховой накидкой и

неподходящим по цвету жилетом.

- Эспен, - поприветствовал он моего спутника. Но верховный предводитель не пожелал снизойти до него, сделав вид, что не знает его, и, пришпорив лошадь, поскакал по тропе вдогонку Аги и остальным воинам. Он недолюбливал Асмунда. Как и многие.

- Ты уже слышал? - спросил я, когда он вышел из-за деревьев.

Асмус остановился передо мной, на его лице мрачной тенью отпечатался ответ.

Чуть в стороне, на склоне, другие мародеры наблюдали за нами из-за деревьев. Как только Эспен скрылся за поворотом, они тоже спустились вниз следом за Асмундом.

Прошло шесть лет с тех пор, как Асмунд и его брат Бард ушли из Хайлли. Теперь они занимались мародерством вместе с другими бродягами и отщепенцами, изгнанными с материка. Исключением в этой шайке был лишь человек из племени Кири по имени Кжелд. Я уставился на черные татуировки, покрывавшие его тело до самой шеи и спускавшиеся к запястьям. Он был единственным человеком из Кири, которого мне довелось увидеть, но на материке ходило много слухов об этих людях. Именно по этой причине никто не совал нос на мысы.

- Мы увидели дым у восточной долины, - подойдя к нам, Бард приветственно стиснул мою ладонь.

- Свелл?

Я кивнул.

- Вы их видели?

- Нет, но Льюос больше не существует. Деревню сожгли дотла. - Его голос стал глухим. Возможно, он решил оставить свой клан, но есть вещи, которые невозможно вытравить из души. Мы навсегда останемся его народом.

- Есть выжившие?

Асмунд покачал головой и двинулся вперед по тропе, а я последовал за ним вместе с Бардом. Братья были среди моих первых друзей в Хайлли, но они потеряли всю семью во время нашествия Херджа, и хотя таких людей оказалось много, некоторые из них не смогли остаться в родном доме, где когда-то жили с близкими. Когда одному стукнуло четырнадцать, а другому шестнадцать, они оставили прошлое за плечами, променяв его на жизнь, где ничто больше не напоминало им о прошлом.

- Значит, война? - Асмунд пристально посмотрел на меня.

Годы жизни в глуши закалили его, и воспоминания о пережитых страданиях немного сгладились. Возможно, со мной произошло то же самое.

- Мы идем в Льюос, чтобы встретиться с Беканом.

- Встретиться?

- Он хочет предложить примирение.

- И что это значит? - Его голос стал резким, взгляд помрачнел, напоминая мне прежнего Асмунда.

- Ты же знаешь, что мы не можем допустить войну с кланом Свелл.

Он смерил меня взглядом.

- Но можем пролить как можно больше крови, прежде чем отправиться в загробный мир.

Его сердце осталось таким же, как и в былые дни, и пережитые страдания подпитывали вспыхнувший гнев. Как и у всех нас.

- Что вы видели в Льюосе?

Его взгляд оставался мрачным.

– Судя по следам в лесу, их было примерно тридцать, и действовали они быстро. Убили всех, кто попался им на глаза, подожгли деревню и скрылись.

Я протянул ему руку, и он стиснул мою ладонь, не скрывая тревоги.

– Ты должен вернуться в Хайлли, собрать всех воинов Надир на границе и схватить их.

Брат был согласен с ним, но лицо Кжелда, как всегда, казалось непроницаемым, его глубоко посаженные глаза внимательно наблюдали за мной. Его пальцы стиснули запястье, на котором виднелись медный обруч и костяной браслет.

Когда я ничего не ответил, Асмунд вздохнул.

– Будь осторожен, Халвард.

Он направился в лес, а остальные двинулись следом, исчезая в полумраке среди деревьев. Бард в последний раз оглянулся на меня, прежде чем они скрылись за горой.

– Будь они все прокляты, – крикнул поджидавший меня в отдалении Аги. Он закричал, растирая ладонями узловатое колено. – Предатели.

– Ты ведь знаешь, что они не мародерствуют на землях Надир, – сказал я, поравнявшись с ним.

Он презрительно вскинул бровь. Для него это не имело значения. Они утратили честь, оставив свой народ ради мародерства, и обратного пути у них не было. Он не понимал их, как понимал я.

– Ты во всем стараешься видеть хорошее, Халвард, – пробормотал он.

Я взглянул на отцовский топор, пристегнутый к ноге. На его лезвии был изображен ствол тисового дерева, и точно такой же символ – на его кожаном жилете.

- Ты считаешь, что это делает меня слабым.

Он поднял глаза и нахмурился.

- Это делает тебя сильнее. Мудрее, чем я. Так мне кажется. - Аги был немногословен, но его слова всегда звучали весомо. - Ты боишься, - сказал он. - И это хорошо.

- Хорошо? - Я едва не расхохотался.

Он наклонился вперед, заглядывая мне в глаза.

- Страх не враг нам, Халвард. Ты помнишь сезоны сражений.

Я помнил. Это было одно из самых ярких воспоминаний об отце. Помню, как он сидел у огня и затачивал свой меч перед тем, как отправиться в Аурвангер, где кланы встречались каждые пять лет, чтобы закалить в бою свою кровную вражду.

- Но отец и братья не боялись участвовать в сражениях.

- Они боялись не сражений. Они боялись потерять то, что им дорого. И потому вели себя бесстрашно на поле боя.

Я пытался представить Аги на полях Аурвангера, размахивающего мечом и перекрикивающего ветер. Вероятно, он был великим воином, раз прошел через столько сражений, но тот Аги, которого я знал ребенком, был мягким и добрым.

- А чего ты боишься сейчас?

Он прищурился, его голубые глаза были чисты, словно холодные воды фьорда.

- Я боюсь, что, однажды отправившись в загробный мир, встречу своих детей, и они скажут, что наши люди утратили мир, который обрели в те дни, когда я жил на земле. - Он вздохнул. - Здесь всегда будет война, Халвард. Воевать легко. Война начинается снова и снова, накатывая на наш мир, словно волны на берег.

Но я большую часть своей жизни прожил, испытывая ненависть, и не хочу той же участи для своих внуков. Или твоих, – он протянул мне руку. – А теперь помоги старику слезть с коня, чтобы он мог справиться нужду.

Я улыбнулся, ухватив его за руку, и отступил назад, когда он с кряхтением опустился на землю.

Впереди Эспен и воины из Хайлли ждали на тропе, исчезающей в непроходимой лесной глуши. Ветер метался вокруг них, мчась в нашу сторону, донося резкий запах гари из-за деревьев, за которыми нас ждала деревня Лыйос.

Глава 5

Това

МЫ СТОЯЛИ В КУЗНИЦЕ в угасающем свете горна, глядя, как он в последний раз перевернул меч на наковальне. Вигдис опустил глаза, глядя под ноги кузнецу, но Бекан терпеливо наблюдал, как мастер вставил в рукоятку меча большой круглый кусок янтаря, а на кончике сверкающего лезвия был выгравирован символ мира.

Весь день предводители деревень клана Свелл молчали, напряженно обмениваясь косыми взглядами. Я заметила, что Джоррунд внимательно и настороженно наблюдает за ними. С тех пор как мы подошли к ритуальному дому, чтобы дождаться Бекана, он не проронил ни слова.

Вигдис пришел в ярость, когда брат приказал кузнецу взять меч, который он изготовил специально для Вигдиса, и сделать из него подношение в знак примирения для верховного предводителя Надир. Когда остальные скрылись за дверями ритуального дома, он назвал Бекана трусом, но когда его брат пригрозил, что вместо Вигдиса назначит предводителем деревни Холкн другого воина, который проявит больше преданности и уважения, Вигдис, скрипя

зубами, согласился сопровождать брата в Льюос.

Теперь же Вигдис стоял, засунув большие пальцы за пояс, глядя на огонь, его длинные черные кудри обрамляли лицо.

- А если они не примут? - он заглянул в глаза Бекану.

- Они не дураки. Они примут, - ответил тот.

Джоррунд кивнул.

- На рассвете мы принесем жертву и попросим Эйдис одарить нас своей благосклонностью.

Кузнец принялся колотить по клинку на наковальне, и я вздрогнула от пронзительного, оглушительного звона. Меч был почти одного роста со мной, и кузнец с трудом удерживал его ровно. Никогда я еще не видела подобных клинков, искусно выполненная рукоятка и россыпь камней поражали своим великолепием, лезвия выглядели безупречно. Это оружие могло бы стать предметом большой гордости для Вигдиса. Теперь же оно послужит его унижению, оказавшись в руках его врага. Если верховный предводитель Надир примет этот дар, клан Свелл должен быть ему благодарен за восстановление мира.

Закончив работу, кузнец поднял меч, показывая его собравшимся, и Бекан одобрительно кивнул.

- Вигдис, - обратившись к брату, он указал на кузнеца, который ждал, стоя перед ними.

Вигдис стиснул зубы, догадавшись, что имел в виду Бекан. Он должен был сам заплатить за этот меч.

Смерив Бекана пристальным взглядом, он потянулся к поясу, резко сорвав пристегнутый к нему кошель. Не спрашивая ни о чем, он молча высыпал все монеты в протянутую ладонь кузнеца. Мужчина медленно попятился назад, прижав пеннинг к груди и отведя глаза, а ярость Вигдиса тем временем

переполняла хрупкую тишину, воцарившуюся вокруг нас.

Остальные направились к воротам, и Бекан понизил голос, шагая рядом с Джоррундом, и на ходу убрал новый меч во второй кожих на спине. Если Надир согласился бы на их предложение, они оба получили бы то, что хотели. Приграничная деревня и все споры с ее предводителем теперь не имели смысла, когда Лыйос пал. Они продемонстрировали свою мощь народу Надир, укрепив свои позиции сильного и могущественного клана. И война не унесет жизни воинов, которые однажды смогут понадобится для другого сражения.

Но вера Бекана в благосклонность Эйдис была слишком велика. Даже после смерти Веры он не боялся хитросплетений судьбы, в отличие от меня. Он по-прежнему не ощущал ее власть над грядущим. А я ощущала, как она ежесекундно меняется, ее нити раскручиваются, а затем сплетаются в новые узоры. Ощущала это в дуновении ветра. В тишине леса. Прядильщики трудились не покладая рук, а я была единственной, кто это видел.

Мы дошли до ворот Лиеры, где нас поджидали предводители остальных деревень клана Свелл и отряд из тридцати воинов. Вигдис и Сив молча обменялись взглядами, и я заметила, как она стиснула пальцами свой пояс. Пока Бекан остается верховным предводителем клана Свелл, мир для него всегда будет превыше войны. А я сомневалась, что Вигдис и остальные смогли бы прожить остаток земной жизни, не пролив больше ни капли вражеской крови.

Лунный серп взошел на небе, когда мы углубились в лесную чащу, отбрасывая бледный свет на землю, и меня охватила тревога. В последние годы Джоррунд сдерживал недовольство деревенских предводителей и постепенно стал уставать от этой обязанности, убеждаясь все больше, что эта сила начинает выходить из-под контроля. Однако Бекан не сомневался в своем брате. И во многом заблуждался.

– Расклад рун был абсолютно понятен, – заметил Вигдис, придерживав своего коня и следуя рядом с Джоррундом.

Джоррунд взглянул на меня, но я продолжала смотреть вперед, будто не слыша его слов. Только оставаясь незаметной для Вигдиса, я могла спасти свою шею от его клинка.

– Возможно, ты изменил судьбу нашего клана, когда захватил Льюос. И это твой шанс все исправить. – Джоррунд ждал, что ответит Вигдис, но тот молчал. – Народ Надир падет, когда этого пожелает Эйдис. И ни минутой раньше.

Вигдис не стал спорить, но от сдерживаемого гнева у него под глазами залегли темные круги. Он взглянул через плечо на воина, ехавшего за нами.

– Не спускай с нее глаз до тех пор, пока мы не вернемся обратно, Гюнтер.

Я сжалась, крепче вцепившись в поводья, и тоже бросила взгляд через плечо. Гюнтер, приблизившийся к нам, взглянул на Вигдису поверх моей головы. Он не стал спорить, но по тому, как он стиснул челюсти, я поняла, что ему совсем не нравился приказ следить за мной. И никому это не понравилось. В его волосах появились новые седые пряди с тех пор, как я в последний раз видела его, но в целом он выглядел почти так же, как в тот день, когда я еще девчонкой впервые встретила его на лугу. Я никогда ему не нравилась, но знала, что он не стал бы причинять мне вред, если бы только его не вынудили. Чего я не могла сказать об остальных воинах клана Свелл.

Джоррунд встревоженно переводил взгляд с Вигдису на Гюнтера. Вигдис не знал о соглашении, которое он заключил с Гюнтером много лет назад, и Джоррунд не хотел, чтобы правда вышла наружу. На самом деле никто не знал о тех днях на лугу. Даже Бекан.

Гюнтер придержал своего коня, поравнявшись со мной, и протянул мне руку, указав глазами на лук, висевший у меня на плече. Я обернулась, взглянув на вооруженных до зубов воинов Свелл, мелькавших среди деревьев. Меня никогда не учили сражаться, как их. Я могла защитить себя только при помощи лука. И потому я не шевельнулась, но он стукнул своего коня пятками в бока, придвинувшись ближе.

Джоррунд кивком головы указал мне на него, приказывая подчиниться, и, скрипя зубами, я отстегнула колчан и бросила его Гюнтеру. Он прицепил его к седлу своего коня и перекинул мой небольшой лук через голову.

Конечно, Вигдис должен был устроить за мной слежку. Он никогда не доверял мне, но именно в ту ночь, когда умерла его племянница Вера, я впервые поняла, что он желает моей смерти. Он рыдал над ее бездыханным телом, и я никогда

раньше не видела его таким потрясенным, а когда его глаза отыскали меня в полумраке, он дал мне обещание.

«Ты за это заплатишься».

И сейчас на его лице было написано, что он сдержит данное обещание. Плюнув на землю между нами, он ударил пятками своего коня и умчался прочь, нагоняя Сив.

Гюнтер снова сбавил темп, слегка отставая от меня, и я смерила его злобным взглядом, плотнее закутываясь в медвежью шкуру. Ветер крепчал, бушуя меж кронами. Деревня таяла вдаль, и теперь, не ощущая за спиной привычной тяжести колчана, я начала дрожать от холода. Никогда раньше я не уезжала из Лиеры, и от осознания того, что я покидаю эти леса, у меня перехватило дыхание. Странное чувство свернулось в кольцо в глубине моей души, и от ощущения, что чьи-то глаза пристально наблюдают за мной из темноты, по спине побежали мурашки.

Джоррунд с непроницаемым видом смотрел вперед.

– Почему не открылись другие руны?

– Не знаю. – Это было единственное, что я могла сказать. За все годы, что я предсказывала будущее, я не видела подобного расклада. Будущее всегда было изменчивым и ускользающим. Прядильщики никогда не прекращали свою работу. Но руна Хагалаз выпала в самом центре, ее параллельные линии образовали идеальную вертикаль. А остальные руны легли лицом вниз, исчезнув из паутины судьбы.

Он вздохнул.

– Завтра мы все уладим.

Но это утверждение больше напоминало вопрос, произнесенный нараспев. Возможно, впервые в жизни Джоррунд сомневался в своих словах. Еще никогда я не видела его столь неуверенным, и, возможно, именно поэтому он и взял меня с собой. Ведь я видела то, что было недоступно ему, – судьбу, знаки и

предзнаменования.

Наклонившись вперед, он достал из-под седла глиняную бутылку и, откупорив ее, протянул мне.

– Нам предстоит долгий путь, и ночь обещает быть холодной. Выпей. Это согреет тебя.

Я поднесла бутылку к губам и ощутила сладковатый запах медовухи. Этот запах напомнил мне о том времени, когда я была еще девочкой. Тогда я сидела на стропилах ритуального дома и слушала, как Джоррунд и Бекан разговаривали внизу около горевшего у алтаря огня. Даже тогда их разговоры были о будущем и о поколениях, которые придут после того, как они отправятся в Джупр, место, в которое люди из клана Свелл попадали после смерти.

– Народ Надир изменился гораздо сильнее, чем их судьбы, после того как прекратилась их кровная вражда. Возможно, нам давно стоило прислушаться к Вигдису, когда он предложил вторгнуться в их земли. Тогда они были слабы. А мы впервые за долгое время обрели силу.

Я помнила, как впервые услышала о Надир. Два клана, один народ, люди, похоронившие кровную вражду, которая для многих поколений была смыслом жизни. Никто не предполагал, что такое возможно.

Задумавшись, я сделала большой глоток. Джоррунд никогда открыто не противоречил Бекану. Он всегда поддерживал его. Но я не знала, насколько далеко простираются границы его преданности. И не предполагала, как поступит Джоррунд, если Бекана обнаружат с клинком в горле, а родной брат займет его место около священного огня в ритуальном доме. Джоррунд верил в Бекана, но сердца смертных всегда были полны тьмы. И эта тьма была чернее, чем им хотелось верить.

Я хорошо помнила ночь, когда до нас дошли слухи о Херджа. Их называли войском демонов, потому что рассказы о них просто не могли быть правдой – что они поднялись из глубин моря, желая захватить фьорд Сигра и гору Торы. Люди говорили, что это дело рук какого-то мстительного божества, но мне больше казалось, что все это происки Прядильщиков. Я лишь хотела понять, что же сделали эти кланы, чтобы заслужить такую судьбу.

После прибытия гонцов воины набились в ритуальный дом, и народу было так много, что все не поместились внутри, и люди стояли на улице у входа. Тогда я впервые увидела, как спорят братья, и с тех пор Джоррунд уже не мог спать спокойно. Той ночью клан Свелл разделился на два лагеря, раздираемый противоречиями.

Война или мир?

И впервые я не могла понять, чью сторону занял Джоррунд.

Мы ехали по безмолвному лесу, и холод крепчал. Мои пальцы, сжимавшие поводья, онемели, и я снова принялась искать Всевидящего в ночном небе. Но он не появлялся. Возможно, это был шанс, что будущее еще можно изменить.

Когда первый луч рассвета раскрасил небо, лошадиные подковы громко хрустели по заиндевевшей лесной подстилке. Прошли недели, прежде чем закончилась зима. Я разглядывала сверкавшие от изморози в проблесках тусклого света листья и сосновые иглы, и все у меня внутри сжималось. Когда Джоррунд, ехавший впереди, бросил взгляд через плечо, я поняла, что он думает о том же – это поздние заморозки.

И если он ждал плохого предзнаменования, то мы его получили.

7 лет назад

Деревня Хайлли, земли Надир

– ПОЧТИ ПРИШЛИ. – Фиске перешел реку вброд, разбивая тонкий ледок лезвием топора.

Утро еще только занималось, когда Халвард отправился следом за старшим братом от берега, чувствуя, как перехватывает дыхание от колючего прикосновения ледяной воды. Он поднял заостренное копьё над головой, стараясь не потерять равновесие в бурном потоке. Зима оставила фьорд, но пройдет еще несколько недель, прежде чем дни станут длиннее, и солнце окончательно растопит лед. А до той поры им придется рыбачить в ледяной воде.

– Здесь, – Фиске остановился, убрав топор в кожух на спине, и обернулся к нему.

Стоя по грудь в воде, Халвард, наконец, нащупал ровное дно.

– Ты обещал, – пробормотал он.

– Потом.

Халвард сердито уставился на него.

– В моем возрасте ты начинал день с тренировок, а не с рыбалки.

– В твоем возрасте я видел, как мои друзья погибают на поле боя. – Его голос сделался резким, он прищурился, и, заметив это, Халвард уступил. Хуже ледяной воды фьорда могло быть только недовольство брата.

Он выставил перед собой копьё, всматриваясь в тени под водой. Плотные облака закрывали солнце, и его лучи не ослепляли, отражаясь от поверхности, но он никогда не отличался умением ловить рыбу на гарпун.

– Мой бросок оставляет желать лучшего.

– Знаю. И мы займемся этим. Но потом, – снова сказал Фиске.

Халвард стиснул зубы и, крепко сжав копьё, снова выставил его перед собой. После смерти отца Фиске стал главой семьи и взял на себя воспитание младшего брата. Но прошло десять лет, и взгляды Фиске на то, какой должна быть жизнь Халварда, изменились по сравнению с тем, что было раньше.

Он замер, наблюдая за движением рыбы, пока не заметил яркий блеск серебристых плавников внизу. Его ступни глубже провалились в илистое дно, и ветер стих, когда он занес копье.

– Теперь для тебя все будет по-другому, – спокойно сказал Фиске, глядя на брата.

– Знаю, – он резко опустил копье вниз, пригвоздив рыбу к песку. Эти слова он то и дело слышал от брата с тех пор, как они поселились у фьорда.

Фиске не сводил с него глаз, когда он вытащил копье из воды.

– Я привел тебя сюда, чтобы твоя жизнь изменилась. – Рыба забилась, когда он стянул ее с железных зубцов копья и швырнул на лед.

– Но я должен знать, как сражаться.

– Ты знаешь. Я обучал тебя этому с тех пор, как ты научился стоять на ногах.

– Не так, как ты. И не так, как Ири. – Халвард снова вскинул гарпун, следя за движением под водой. Чем скорее они поймут четыре-пять рыбин, чтобы отнести домой, тем быстрее брат начнет тренировать его.

Он помнил, как Фиске и отец приводили в порядок доспехи и оружие, сидя у огня, готовясь отправиться в Аурвангер, где бились с врагами своего бога в сезон сражений. Он смотрел, как они уходили в лес, не зная, увидит ли их снова. И он отчаянно желал пойти с ними, но даже в то время, когда кланы еще не заключили перемирие, у Фиске были другие планы на брата. Он хотел, чтобы Халвард стал деревенским лекарем, как их мать, со временем приняв на себя ее обязанности. И не желал, чтобы брат участвовал в сражениях.

– Тебе представится шанс, – наконец сказал Фиске, когда Халвард вытащил из воды еще одну рыбину.

– Думаешь, воины Свелл нападут на нас?

Он слышал, как в Хайлли говорили о племени с запада. Некоторые считали, что следующей зимой они появятся у фьорда. Другие думали, что еще возможно сохранить мир. Но Фиске и другой брат, Ири, никогда не делились своими размышлениями о будущем.

Фиске положил новую рыбину на лед рядом с первой.

– Думаю, если это будут не воины Свелл, то кто-то другой. Мир не может длиться вечно.

Халвард снова занес гарпун.

– Тогда зачем мы рыбачим?

Едва заметная улыбка тронула уголки губ Фиске, но Халвард не заметил недовольства в его глазах, которое всегда появлялось, когда он дразнил брата.

– Потому что мне хочется верить, что я ошибаюсь.

??????? ?????, ????? ????? ?????

Това смотрела, как над головой проплывало облако, его очертания расплывались у нее перед глазами из-за накативших слез. Джоррунд наклонился над ней и, скосив глаза, зашивал треснувшую кожу над опухшей губой.

Он отвел ее к лекарю, но та отказалась помогать Тове, боясь, что в наказание Эйдис найдет мор на деревню.

Ее кровь блеснула на конце иглы, когда Джоррунд вытянул нить, закрепив ее на конце, и когда слеза, наконец, скатилась по щеке Тovy, он дал ей еще кислого эля. Девочка сделала большой глоток, и жидкость обожгла ее горло, согрев теплом грудь. Но острая, жалящая боль в губе не шла ни в какое сравнение с синяками, темневшими у нее на спине.

Если козой и пытался предупредить ее, она не прислушалась к нему. Она открыла глаза, лишь услышав топот башмаков по каменному полу, и, прежде чем успела сообразить, что делать, ее, истошно вопившую, уже тащили по лесу.

Уже не в первый раз люди из деревни пытались взять ее судьбу в свои руки. Все пять лет, минувшие с тех пор, как Джоррунд провел ее через ворота Лиеры, она слышала шепот за спиной. Чувствовала пристальные взгляды. Но до сих пор еще никто не пытался убить ее.

Она была живым проклятием. Изменой божеству клана Свелл. И хотя она жила под молчаливым покровительством Бекана и Джоррунда, разногласия между кланами на востоке поколебали веру людей в жреца и верховного предводителя. В глазах племени она была не просто одиннадцатилетней девочкой. Она была несчастьем. И очень многие желали ей смерти.

Разъяренные волны набрасывались на камни у нее за спиной, и она смотрела, как вода скользит по земле, лаская ее босые ступни. Развязав котомку, Джоррунд вытащил маленькую склянку. Смазав жгучим маслом ее губы и рану на лбу, он сказал:

– Не все способны разглядеть волю богов, Това.

Он уже говорил ей это раньше. Но этот раз наверняка должен был стать не последним, когда жители деревни придут в ее лачугу в лесу и попытаются лишить ее жизни. Законы, защищавшие народ Свелл друг от друга, не распространялись на нее. Убийство девчонки из племени Кирр останется безнаказанным.

До нее донесся звук чьих-то шагов по песку, и, обернувшись, она увидела среди деревьев мужчину. Потертая шкура закрывала его плечи, образуя подобие мантии, под которой виднелись старые кожаные доспехи воинов Свелл.

Това встала, заходя поглубже в воду. Она не помнила, чтобы когда-нибудь видела этого человека. Он возвышался над ней, закрывая своей большой тенью, приблизившись к ним.

– Това, это Гюнтер.

Она ждала, что мужчина заговорит, но человек лишь безмолвно смотрел на нее. Его лицо казалось непроницаемым, а глаза пронизательными, как у Джоррунда.

– Расскажешь кому-нибудь и...

Но Джоррунд поднял руку, обрывая его на полуслове, и, подхватив полы своей мантии, направился в сторону деревьев. Това смотрела ему вслед, вытаращив глаза от изумления. Переводя взгляд с мужчины на Джоррунда, она постепенно начинала понимать, что он оставил их наедине.

Нащупав кинжал, торчавший за поясом, она выхватила его. Рукоятка стала скользкой в ее потной ладони, когда она попятилась назад, чувствуя, как сводит ноги от ледяной воды. Волны намочили подол ее шерстяного платья, а Гюнтер тем временем внимательно разглядывал ее маленькое тело.

– Это тебе не понадобится. С луком тебе будет сподручнее, – заявил он, снимая его со спины и расстегивая ремень колчана. Он упал на песок, когда мужчина сделал шаг ей навстречу.

– Если кто-то подойдет достаточно близко, чтобы ты могла достать его кинжалом, считай, ты уже мертва.

Това озадаченно смотрела на лук в его руках.

Гюнтер наклонился к ней и, схватив за запястье, дернул к себе, вытаскивая из воды. Он стискивал ее руку до тех пор, пока она не разжала пальцы, и кинжал упал в воду, уткнувшись во влажный песок.

– Начнем с лука, – повторил он, – а затем перейдем к кинжалу.

Вытащив стрелу из колчана, он протянул ее Тове. Оглядевшись, она взяла ее, проведя большим пальцем по краю черного в крапинку оперения стрелы.

– Почему ты помогаешь мне?

Ветер трепал его волосы, бросая их на лицо, когда он наклонился и взглянул на татуировки, покрывавшие ее руки. Он годился ей в отцы, но Това не заметила в его глазах ни тепла, ни нежности.

Отвернувшись, он пошел прочь от воды, ветер дул ему в лицо.

– Сначала – лук. Потом – кинжал.

Глава 6

Халвард

МЫ СОБИРАЛИ ТРУПЫ.

Разрушенные остовы домов деревни Льюос торчали посреди обугленной земли, а землю, словно птицы, упавшие с неба, устлали трупы воинов Надир. Большинство из них не успели облачиться в доспехи или даже натянуть башмаки и были убиты, когда пытались скрыться в темноте. Они мирно спали, когда воины Свелл тихо вышли из леса и подожгли деревню. У них просто не осталось шанса на спасение.

Эта картина казалась до боли знакомой, хотя нечто подобное я видел десять лет назад, во время нашествия Херджа. Они пробрались в нашу деревню с восходом луны, когда мне было всего восемь лет. Тогда я впервые убил человека и впервые думал, что сам могу погибнуть. Тела людей, которых я знал всю жизнь, были разбросаны по деревне, алая кровь запятнала свежий белый снег, и это зрелище я так и не смог забыть. И никогда не забуду.

Отгнав воспоминание, я ухватил за руки молодого человека, примерно моего возраста, лежавшего у моих ног. Его широко открытые глаза в упор смотрели на меня, и я потащил его по тропинке и положил в погребальный костер, который мы сложили за воротами деревни. Аккуратно расправив обрывки его обгоревшей рубашки, я сложил его руки на груди.

Дым от погребального костра густым облаком взмыл в небо, и мы молча стояли вокруг, пока Эспен читал молитвы. Его глубокий голос уносился вдаль с порывами ветра, и воины в унисон вторили ему, не отрывая взглядов от высокого

пламени.

– Передайте мою любовь моему отцу. Попросите его проследить за мной, – я прошептал последние слова, – скажите, что моя душа следует за вами.

Я подумал, что сказал бы отец, если бы увидел, что стало с нами, когда-то заклятыми врагами, теперь оплакивавшими своих воинов. Мама говорила, что он гордился бы нами, но я слишком плохо его помнил, чтобы верить в это. Он умер от лихорадки, когда мне было всего шесть лет, и когда я изо всех сил пытался воскресить в памяти его образ, видел лишь смутную тень.

Издали послышался хруст шагов по каменистой тропе, и мы обернулись, увидев одного из наших воинов, появившегося из-за деревьев.

– Они здесь!

Эспен и Аги обменялись взглядами, а затем принялись раздавать приказы, и воины тут же выстроились в шеренги, выхватив оружие. Я вытащил топор из кобухи и схватил его в левую руку, а меч зажал в правой, ощущая их успокаивающую тяжесть.

– Они ждут на поляне впереди, – задыхаясь от быстрого бега, выкрикнул он.

Эспен похлопал его по спине, и воин занял свое место в конце шеренги.

Аги протянул руку, поправив ремешки кожаного жилета у меня под мышкой. Положив руки мне на плечи, он развернул меня, проверив вторую сторону.

– Держись сзади. Используй сначала меч, потом топор.

– Знаю, – медленно произнес я.

Ухватив меня за затылок мозолистой рукой, он заглянул мне в глаза и спросил:

– Готов?

Я смотрел на него, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Оставаясь в задних рядах, я не смогу поддержать его, если вдруг понадобится. И он не сможет убежать. Если начнется сражение, он окажется самым уязвимым из нас.

– Готов.

Он глубоко вздохнул и улыбнулся.

– Молодец.

Аги занял свое место рядом с Эспеном, а я отправился в конец шеренги, когда он подал знак. Мы двинулись вперед плечом к плечу, тщательно отмеряя каждый шаг и стараясь не отставать друг от друга. Мы углубились в лесную чащу, и тишина окружила нас со всех сторон, прохладный воздух, словно вода, освежал мою разгоряченную кожу.

Взглянув направо, я почти ожидал увидеть братьев. Темные волосы Фиске, стянутые в тугий узел, и светлую бороду Ири, заплетенную в косы, ниспадавшие ему на грудь. Майра была права. Они наверняка пришли в ярость, узнав, что я отправляюсь в Льюос без них. Как и жена Фиске, Элин. И теперь слова Майры эхом прозвучали у меня в голове, заставляя задуматься, что, возможно, мы действительно ошиблись. Возможно, глупо было соглашаться на встречу с воинами Свелл. Возможно, это был отчаянный шаг слабых духом людей.

Впереди показалась заросшая золотистой травой поляна, сверкавшая в лучах яркого солнца. И лишь подойдя поближе, я, наконец, увидел их.

Две шеренги, состоявшие из двадцати пяти воинов Свелл, затаились на другой стороне, их кожаные жилеты, замаскированные ветвями вяза, делали их почти невидимыми на фоне деревьев. Вскинув руку, из-под покрова деревьев выступил мужчина с длинными, заплетенными в косы, соломенно-желтыми волосами. Эспен поднял руку в ответ, и мы двинулись на середину поляны. Ветер колыхал траву, и по ней пробежала легкая рябь, словно по водам фьорда, когда мы рыбачили на мелководье с гарпунами.

Эспен и Аги вышли вперед, отделившись от шеренги воинов, и светловолосый мужчина на другой стороне поляны сделал то же самое. Судя по его доспехам и медальонам на шее, это и был сам Бекан, верховный предводитель клана Свелл.

Рядом с ним шел чернобородый воин, они приближались сквозь высокую траву, и мое сердце ускорило темп, бешено колотясь в горле.

Аги сжал пальцы, сдерживая желание вскинуть меч, и я просчитывал количество шагов, которые отделяли меня от него, на случай, если ему понадобится помощь. От стекавшего со лба пота щипало глаза.

– Эспен, – произнес Бекан, остановившись перед ними.

В это мгновение мое внимание привлекла фигура воина с черными, как крыло ворона, волосами, стоявшего в отдалении за двумя шеренгами их воинов. Рядом с их жрецом, не сводя с меня глаз, застыла девушка в накидке. Знакомые мне темные татуировки племени Кирир виднелись из-под ворота ее рубашки, и я заметил часть развернутого птичьего крыла у нее на шее.

Единственным знакомым мне человеком из племени Кирир был Кжелд, парень из отряда Асмунда, но я хорошо помнил истории о них, которые у нас частенько рассказывали вокруг ночных костров. Это было племя со своими мистическими ритуалами, татуировки хранили секретные знания их предков. Они жили в тумане на мысах, границы их земель охраняли каменные статуи их богини, Надр, и выбеленные солнцем черепа и клыки вепрей.

Но что эта девчонка из племени Кирир делала среди воинов Свелл?

Она склонила голову набок и, прищурившись, разглядывала меня. Внезапно я ощутил, как что-то обожгло мою кожу, словно пламя погребального костра. Переминаясь с ноги на ногу, я наблюдал за ней, а она вскинула бровь и поднесла ладонь к уху.

– Три дня назад отряд моих людей напал на Лыйос. Это произошло без моего ведома, вопреки моим приказам.

Я перевел взгляд на мужчину в центре поляны.

Эспен застыл на месте, не мигая глядя на Бекана.

– Погибло более сорока воинов Надир.

Над поляной повисла тишина, и, внимательно наблюдая за воинами, я ощутил, как мое сердце снова забилося сильнее.

– Это мой брат Вигдис, предводитель деревни Холкн. – Бекан взглянул на темноволосого воина, застывшего у него за спиной, словно каменная статуя. – Надеюсь, вы примете это подношение в знак примирения.

Вигдис убрал руку за спину и стиснул рукоятку меча. А затем медленно вытащил его, и солнечные лучи сверкнули на крупных янтарях, закованных в сталь. Он медленно вытянул меч перед собой.

Это был ценный дар. Возможно, самое потрясающее оружие из всего, что я видел, со сверкающим стальным клинком и украшенной драгоценными камнями рукояткой. Но это подношение не могло исправить то, что произошло. Не было на свете таких драгоценных камней, которыми можно было бы загладить гибель сорока человек. Это был всего лишь символ. И лишь уважаемый и честный человек мог предлагать такой дар. Лишь в этом случае подношение обретало силу.

– Никто из нас не желает войны, – Бекан выпрямился, ожидая ответа Эспена, – прими этот дар, и мы все вернемся домой без новых потерь.

Я снова взглянул на девушку. Она стояла неподвижно, глядя на мужчин в центре поляны, как вдруг в небе послышался пронзительный птичий крик, и она резко подняла глаза, взглянув туда, где кружил козодой. Раскинув крылья, он повернул против ветра, и, когда я снова перевел взгляд на девушку, ее глаза сделались огромными. Она, покачнувшись, шагнула вперед, пытаясь что-то сказать, но жрец ухватил ее за руку, удерживая на месте.

Я оглядел поляну, чтобы понять, что так потрясло ее, но увидел лишь воинов, стоявших плечом к плечу. А она не сводила глаз с Бекана.

Козодой прокричал во второй раз, и Вигдис обернулся к верховному предводителю клана Свелл, нарушая молчание.

– Я люблю тебя, брат. И однажды ты поймешь, почему я это сделал. – И внезапно он взмахнул мечом и, сделав резкий бросок вперед, воткнул его в живот Эспену.

Острое лезвие пронзило его насквозь, окровавленный клинок показался из его спины.

У меня перехватило дыхание, когда Эспен рухнул на колени, и ветер вдруг стих, и все звуки замерли вокруг. Не успев осознать, что я делаю, я вскинул меч, и в следующее мгновение поляна огласилась громкими криками. Но Бекан не двинулся с места, вытянув вперед руки, он недоуменно переводил взгляд с брата на Эспена.

Воины Свелл сорвались с места, атакуя нас, и каждый клинок вырвался из ножен, шарканье стали о кожу наполнило поляну. Аги отдал приказ к наступлению, и, лишь на мгновение встретившись взглядом со мной, прихрамывая, бросился к Вигдису, который стоял над истекающим кровью Эспеном.

Я ринулся следом за ним, мои башмаки с силой колотили по земле, а между деревьев тем временем разразился хаос. Тела сталкивались друг с другом, два отряда сошлись в бою, а я не сводил глаз с Аги и, заметив воина Свелл, мчавшегося к нему, вскинул меч. Обогнав вражеского воина, я взмахнул мечом, и, описав дугу, острый клинок пронзил его живот. Он упал на траву, и я выставил клинок перед собой, глядя, как густая кровь сочится на золотистую траву.

У меня за спиной Аги метнул топор, угодивший в грудь женщине Свелл, сбивая ее с ног. Он заковылял к ней, а гневный рев сражения бушевал вокруг нас, но его целью по-прежнему был Вигдис, который перерезал горло одному из воинов Надир, упавшему на колени.

Аги откинул руку назад, его клинок вонзился в руку воина, подскочившего к нему сзади, а затем вскинул меч над головой и ударил противника в грудь. Я перепрыгнул через поверженное тело, стараясь не отставать от Аги.

Бекан выдернул свой меч из тела воина Надир, и, замедлив шаг, я выхватил из-за пояса кинжал и прицелился. Откинув назад руку, я ощутил рукоятку клинка в пальцах, а затем изо всех сил метнул его вперед. Кинжал взвился в воздух. Бекан пошатнулся, когда клинок пронзил его плечо, и упал на одно колено, но в следующее мгновение он снова вскочил и бросился к нам. Он занес над головой меч, собираясь обрушить его на меня, но Аги ударил его сбоку, выбив меч у него

из рук. Он вскинул топор, но в следующее мгновение Бекан вырвал мой кинжал из плеча и, обхватив рукоятку обеими руками, метнул вперед.

Аги согнулся, а затем повалился на землю, и лишь тогда я понял, что произошло. Рукоятка моего кинжала торчала у него между ребер. У меня перехватило дыхание, когда алая кровь потекла по его губам, и я отчаянно закричал, но не услышал собственного крика. Я только чувствовал, как этот страшный вопль опалил мое горло, и в моей груди начался пожар, когда я бросился к Аги.

Я упал на траву, подхватив его на руки, прежде чем он рухнул лицом вниз. Его яркие голубые глаза пристально смотрели на меня, а губы шевелились, но я не мог разобрать слов.

– Аги! – его имя странно прозвучало, произнесенное моим срывающимся голосом. Я пытался удержать его, но он оказался слишком тяжелым.

Мужчина осел на землю, кровь текла у него изо рта, и его руки вцепились в мою рубашку. Он притянул меня к себе, но не мог говорить. Свет в его глазах угасал.

– Не смей, – прошептал я. Но его невидящие глаза уже смотрели в небо над нами.

Он ушел.

Я пытался осознать это, неистово борясь с разбушевавшимся потоком перепутанных мыслей, но я просто не мог думать. Я не мог заставить себя встать, мои руки с такой силой стиснули его жилет, что, казалось, кости моих пальцев вот-вот треснут. И лишь когда впереди сверкнула сталь клинка, я неожиданно пришел в себя.

Подняв голову и пытаясь сфокусировать взгляд, затуманенный горячими слезами, я увидел бегущего впереди Бекана, рубившего воинов Надир одной рукой, из второй его руки сочилась кровь. Я встал и, выдернув кинжал из груди Аги, тяжелыми шагами направился к деревьям, торопясь навстречу Бекану. Он не видел меня, пока я не подошел совсем близко. Он метнул в меня топор, но я присел, и топор пролетел у меня над головой. Затем я рванулся вперед, крепко сжимая в ладони кинжал, скользкий от крови Аги.

Я взревел, грозный боевой клич вырвался из моей груди, когда я налетел на него, ударив сбоку. Лезвие клинка распороло его вторую руку, и он упал назад, под деревья. Еще один вопль вырвался из моей груди, когда я ринулся следом за ним, сжимая рукоятку обеими руками, и занес кинжал над головой. А затем с пронзительным криком обрушил его вниз, вложив в этот удар всю свою силу, вонзая клинок в сердце Бекана.

Его голова откинулась назад, он вскрикнул, закашлялся, и кровь хлынула у него изо рта, а я вдруг почувствовал невероятную тяжесть, словно земля изо всех сил притягивала меня к себе. За спиной у меня раздался свист. Я обернулся, окинув взглядом поляну, где воины Свелл добивали оставшихся воинов Надир. А в центре на залитой кровью траве лежал Эспен.

Я развернулся, и мир бешено завертелся вокруг меня. Эспен погиб. Аги... У меня снова перехватило дыхание при воспоминании о том, как вытянулось его лицо, когда он умер у меня на руках. Дыхание с хрипом вырывалось из моих легких, когда все больше воинов Свелл выходили из-за деревьев на другой стороне поляны, и постепенно я начинал понимать, что произошло.

Брат верховного предводителя клана Свелл пришел в Льюос, вынашивая свой тайный план. Мы не должны были покинуть эту поляну живыми.

Я ощутил резь в боку и покачнулся, морщась, отчаянно желая ощутить под ногами твердую землю, мир покачнулся. Прижав ладонь к боку, я ощутил тепло крови, просачивавшейся сквозь прореху в жилете. Я не мог вспомнить, когда получил это ранение. Моя ладонь скользила по влажной коже, и я старался зажать рану, чтобы ослабить кровотечение. Но внезапно до меня донесся гортанный вопль, и, обведя глазами поляну, я заметил Вигдису, который безумными глазами смотрел на меня, стоявшего над телом его брата.

Това

УТРЕННИЙ ИНЕЙ ПОКРЫВАЛ ЗЕМЛЮ, когда мы двигались между деревьями. Он сверкал в ярких солнечных лучах, и все вокруг казалось хрустальным. Дни были теплыми и влажными после весенних штормов, налетавших с моря, но этой ночью ледяной холод сковал округу.

И это стало предупреждением, как и крик козодоя.

Воины Свелл принялись молча проверять доспехи и оружие, когда мы выстроились перед поляной. Бекан застыл у кромки залитой солнцем травы, а я внимательно разглядывала безмятежное лицо Вигдиса, занявшего место рядом с братом.

Они с Джоррундом о чем-то шептались все утро, их дыхание легкими облачками вырывалось вперед, когда они ехали прямо передо мной. Я исподтишка наблюдала за Джоррундом, и мурашки пробежали у меня по спине. Под напускным спокойствием на его лице читалось что-то еще. Какая-то едва заметная тревога таилась в глубине его глаз.

Гюнтер занял свое место впереди, впервые оставив меня с того момента, как Вигдис приказал ему следить за мной. Пока мы ехали по ночному лесу, он время от времени поглядывал на меня, держась в стороне. Но, хотя Вигдис считал, что его присутствие заставит меня чувствовать угрозу, зная, что Гюнтер находится поблизости, я ощущала себя немного спокойнее. И теперь, когда мы остановились на поляне и Джоррунда начало покидать напускное спокойствие, я инстинктивно шагнула в сторону Гюнтера.

- Не отходи от меня, - тихо произнес Джоррунд мне на ухо.

Воины Свелл застыли словно истуканы, не сводя глаз с деревьев на другой стороне поляны. Джоррунд наблюдал за братьями, скрестив руки на груди и возбужденно постукивая пальцами по локтям. Он был встревожен. Даже напуган. Тяжесть, навалившаяся на него после расклада рун, давила на его дряхлое тело и в этот момент стала невыносимой.

Воины переминались с ноги на ногу, и я подняла глаза как раз в тот момент, когда за деревьями на другом конце поляны показались тени. Бекан поднял

руку, пробормотав что-то Вигдису, и тот стиснул зубы, глядя, как воины Надир движутся среди деревьев, приближаясь к покрытой сухой прошлогодней травой поляне.

Бекан потянулся к пряжке у себя на груди и расстегнул ее, скидывая висевшие через плечо ножны, и протянул меч Вигдису, но брат не шевельнулся, продолжая смотреть на него.

– Ты заварил эту кашу. И тебе ее и расхлебывать. – Бекан посмотрел ему в глаза, его лицо испещряли красные полосы от крови ворона, которого он принес в жертву Эйдис на рассвете.

Оскорбленный Вигдис заскрипел зубами. Этот приказ Бекана переходил уже все границы. Он объявил его во всеуслышание, и теперь Вигдису нелегко будет вернуть свое доброе имя. Верховный предводитель поступил опрометчиво, разжигая гнев брата в тот момент, когда тот был нужен ему, как никогда.

Немного помедлив, Вигдис взял ножны и закинул их за спину. Сив не сводила с него глаз, оскалив зубы, но Вигдис избегал ее взгляда. Он не отрываясь смотрел в просвет между деревьями, и меня вдруг охватило странное чувство. Между ними было слишком много недоговоренности – между Беканом, Джоррундом, Вигдисом и Сив. Они были подобны пару, запертому в котле, крышка которого ходила ходуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Пеннингры – денежная единица.

Купить: https://tellnovel.me/ru/yang_edrienn/devushka-kotoruyu-vernulo-more

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)